

26.81

В - 54

А729835

М.Н.Виташевская

СТРАНСТВИЯ

Афанасия Никитина

СТРАНСТВИЯ Афанасия Никитина

	18
Тверь в XV веке	
	23
Торговые гости	
	36
Вниз по Волге и синему морю Хвалынскому	
	42
Через Персию в Индию	
	52
«И тут есть Индейская страна»	
	60
«Стол Гундустану бесерменьскому»	
	67
«Салтан и Меликтучар боярин»	
	76
«А сельския люди голы велми»	
	79
«В их Ерусалим»	
	91
По городам Индии	
	101
«Устремихся умом поити на Русь»	
	111
«Смоленска не дошед умер»	
	115
Послесловие	

Предисловие
вице-президента Общества
советско-индийских
культурных связей,
лауреата премии
Джавахарлала Неру,
профессора Е. П. Чельшева

Цветные иллюстрации,
выполненные палехскими
художниками,
взяты из книги
«Хождение за три моря
Афанасия Никитина».
Москва, Географгиз, 1960.

городе Калинине, на берегу Волги, возвышается величественный монумент. В сером граните запечатлен образ простого русского человека, тверского купца Афанасия Никитина. Отсюда, с берегов великой русской реки, отправился он в далекую Индию.

Прошло 500 лет, с тех пор как завершил он свое многолетнее путешествие, оставив потомкам интересные записи. Читая правдивый рассказ Никитина, мы проникаемся глубоким уважением к нашему далекому соотечественнику, восхищаемся его подвигом. Афанасий Никитин был первым на Руси, кто интересно и правдиво рассказал обо всем том, что увидел во время своих странствий, красочно описал индийскую природу, быт и нравы простого народа, к которому он относился с большим сочувствием и симпатией.

Вслед за Никитиным многие передовые люди России: М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, Н. И. Новиков и другие — обращали свой взор на Индию, призывали установить связи с индийцами, проявляли живой всесторонний интерес к ее прошлому и настоящему.

И сегодня, когда с каждым годом все более плодотворно развивается экономическое и культурное сотрудничество между Советским Союзом и Индией, отвечающее жизненным интересам народов обеих стран, мы с благодарностью вспоминаем имя того, кто 500 лет назад заложил первый камень в фундамент дружбы между двумя великими народами. Имя Афанасия Никитина пользуется большой популярностью как в Советском Союзе, так и в Индии. Его «Хождение за три моря» неоднократно переиздавалось, об Афанасии Никитине и его путешествии существует большая литература. Советские и индийские кинематографисты создали о нем художественный фильм, индийские писатели написали книги, художники и скульпторы запечатлели его образ в своих произведениях.

Пятисотлетний юбилей путешествия Афанасия Никитина в Индию отмечается как начало взаимоотношений между народами СССР и Индии, как событие, имеющее важное значение в установлении дружеских, добрососедских отношений между нашими странами.

ЗАМЛЕТУ СТУПЪ ШУЧАШИ ГИСУСЪ СЕБЪ КИИ.
ВМЛЕТУ ИМЪ РАКА ВОСГОТРИШНАГО.
АФОНАСИЯ НИКИТИНА НАСНА. 17
СНАГНА СРЪШНО ВЕСОВО УЖЕ ПЕСА ПР
УМОРА. ПЕРВОЕ МОСЪ ДЪКЕНЬСКОЕ ДВОИ
ДЪВЛИНЬСКАА. ВЪТРОЕ МОРИНЪ ДЪН
СКОЕ. ГОРИГОНЪ ДЪСТАНЬСКАА. ТРЕТЬЕ
ЕМОРЕТЪННОЕ. ДОВРЕТЕМЪ КОЛЬСКАА.
ПОНДОУ ДЪСТРОГОСА ДЪМЛЮВСТАГОСА
ЕГО МЛЕТУ. ШЪ ВЕЛИКОГОСА ДЪЗМН
ДАН ЛАВОРИСОВИЧА. ИШЪ ВЪКЪ ГЕНАДІА
ТИ СВЪДСКИ. ПОНДОМАНИЗЪ ВЕЛГЮ
И ПЕРИ ДЪВЪ МЛАДЪСЪ ПЪ КЪ СЪ ПЪ ИЖИ
ВОПАТА ЛОН ПЪ ИИ. И ПЪ МЪ ДЪ МЪНКОМЪ
ЕВРИСУ И ГЛАБЪ КЪУ. И ВЪ ИГЪУ МЕНА
ДЪ ГВНО ВЪУ МАКЪРІА. ЕВРИ. НЕКОЛА
ДЪ И ПЪ И ДЪ И ВЪУ ГЛАТЪ. СЪУ ГЛАТЪ МА КЪ СТРО
МЪУ СКИИ. ЕВРИ АЛЕКСАНДРЪУ. СЪУ ПЪ ПЪ
МЪ ПЪ ПЪ. И ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ
АВЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ
ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ
КЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ
КЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ
ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ ПЪ

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское. Пошел я от святого Спаса златоверхого, с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича и от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарыча на низ, Волгою

КЛАМЪ . ИНО . Б . ГОРДОНОВСКОЕ ВЛАДНОЕ .
АНДРАТЪ . ИКАШЕНИ . И ПТОУПТОВСКИМЪ
МЪ . А ИКАШЕНИКМАИНОУ . А ИКАМА КВ
ЕДАТЪ . И ПТОУПТОВСКИМЪ ВЛАДНОЕ
Е СЪ КЪ СЫРТАМОУ . А ИКЪ СЫРТАМАКЪ В ПТОУ
МОУ . А ФУНИКИКОРЪ ПТЪЖИ В ПТОУМОУ .
КАПМАНЪ . ПО . Д . АЛТЫНЫ . А ИКЪ ПТОУМОУ .
КЛАВУ . А ИКЪ ВЛА . КЕИКАРЪ . И ПТОУПТОВ
ЕСТЬ ПРЕНСТАМНШЕ . ГОУРМЫЗЫКОЕ . И ПТОУ
ЕСТЬ МОРЕ . И ПДЪТЕНСКОЕ . А СЛАВЪТЕНСКОЕ .
ИЗЫКЕЛЪ . И ПТОУПТОВСКИМЪ ДОРИТЪ .
И ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ . А ГОУРМЫЗЪ .
Д . МАН . А ГОУРМЫЗЪ В ПТОУПТОВСКИМЪ
ВЪ . А ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ . ПТОУ
ДЫНДАНЪ . И ПТОУПТОВСКИМЪ ВЛАДНОЕ . А . ВЕЛИ
КАДАНЪ . А ПРШЕ СЪ СМЪ ГОУРМЫЗЪ . ДАН
ПТЪРЕ НЕ ДЪЛАНДО ВЕЛИКАДАНЪ . А И ПТОУПТОВСКИМЪ
ГОУРМЫЗЪ В ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ . А И ПТОУПТОВСКИМЪ
И . А ГОУРМЫЗЪ В ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ . ТАКА
СЪ ЖЕ СЪ . А ГОУРМЫЗЪ В ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ .
А И ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ . А И ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ .
НЕКОЕ ПОВЕЛЕНЦЪ ДИ В ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ .
В ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ . А И ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ .
ДОМОШКА ПТЪ . І . ДАН . А И ПТОУПТОВСКИМЪ МОРЕМЪ .

И тут есть пристанище Ормузское; тут же есть
Индийское море, по-персидски Индостанское море.
И отсюда идти морем до Ормуза 4 мили. А Ормуз
находится на острове, и ежедневно дважды заливаает
его море. Тут я встретил первый Великий день,
а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня.
Выше я не все города назвал — много городов
великих. Солнце в Ормузе палящее,
может человека сжечь

Аѣгову . ѿ . днн . аѣвѣ . такъ . зра . тѣу .
 аѣковѣ . зра . тѣи . конвѣ . тѣу . аѣтѣу . тѣсѣ .
 рѣднѣтъ . краскѣ . аѣдѣ . къ . аѣскѣ . на . е . тѣа .
 кѣтнѣ . на . и . аѣ . шнѣ . на . лѣ . е . стѣ . а . по . шлн . е . сѣ .
 мѣу . нѣ . лѣ . сѣ . бѣ . гнѣ . цѣ . днн . аѣ . шнѣ . е . стѣ .
 вѣ . тѣ . вѣ . сѣ . нѣ . лѣ . мѣ . рѣ . лѣ . сѣ . рѣ . тнѣ . на . нѣ .
 и . тѣу . тѣ . е . сѣ . тѣ . нѣ . цѣ . гнѣ . сѣ . кѣ . а . сѣ . тѣ . рѣ . на . нѣ . на . рѣ .
 хѣ . а . тѣ . на . гѣ . вѣ . сѣ . а . гѣ . лѣ . ва . нѣ . по . крѣ . пѣ .
 а . гѣ . рѣ . у . днѣ . голѣ . а . вѣ . лѣ . сѣ . вѣ . а . нѣ . о . у . кѣ . сѣ . о . у . нѣ .
 тѣ . нѣ . а . вѣ . сѣ . хѣ . а . тѣ . рѣ . гѣ . тѣ . сѣ . гѣ . нѣ . рѣ .
 а . тѣ . на . вѣ . сѣ . нѣ . гѣ . а . дѣ . тѣ . нѣ . о . у . пѣ . лѣ . мѣ .
 а . мѣ . о . у . кѣ . пѣ . тѣ . нѣ . вѣ . сѣ . тѣ . рнѣ . гѣ . хѣ . о . жѣ . кѣ . дѣ .
 и . нѣ . дѣ . мѣ . нѣ . о . у . дѣ . нѣ . мѣ . гѣ . а . нѣ . тѣ . сѣ . вѣ .
 лѣ . мѣ . о . у . тѣ . ко . у . а . кѣ . пѣ . сѣ . нѣ . фѣ . стѣ . на . гѣ . голѣ . вѣ .
 а . дѣ . рѣ . у . гѣ . а . на . бѣ . дѣ . ра . а . вѣ . о . бѣ . рѣ . о . у . нѣ . хѣ . дѣ . тѣ .
 фѣ . пѣ . на . гѣ . вѣ . сѣ . а . дѣ . рѣ . о . у . гѣ . а . на . бѣ . дѣ . ра .
 а . кѣ . нѣ . гѣ . нѣ . хѣ . дѣ . тѣ . фѣ . тѣ . гѣ . нѣ . тѣ . мѣ . вѣ .
 гнѣ . о . у . тѣ . а . дѣ . рѣ . у . гѣ . а . на . бѣ . дѣ . ра . а . сѣ . о . у . гѣ .
 кнѣ . лѣ . вѣ . нѣ . бо . тѣ . рѣ . сѣ . кѣ . мѣ . фѣ . о . тѣ . бѣ . дѣ . ра . хѣ .
 шѣ . бѣ . гнѣ . о . у . тѣ . а . шнѣ . дѣ . лѣ . вѣ . о . у . кѣ . а . ннѣ . нѣ .
 сѣ . а . нѣ . цѣ . нѣ . а . ннѣ . нѣ . по . жнѣ . а . ннѣ . нѣ . сѣ . сѣ . а .
 мнѣ . а . ннѣ . нѣ . сѣ . о . у . кнѣ . нѣ . сѣ . тѣ . рѣ . лѣ . нѣ . а . вѣ . s .
 нѣ . гѣ . дѣ . лѣ . сѣ . мѣ . а . вѣ . лѣ . сѣ . а . тѣ . а . тѣ . нѣ . кнѣ . хѣ .
 а . гѣ . голѣ . ва . нѣ . по . крѣ . пѣ . а . гѣ . рѣ . о . у . днѣ . голѣ .

Прибытие
 Афанасия Никитина
 в Индию

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужи и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку. А князь их — фата на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят фатой плечи обернуты, а другой — бедра

соуды рожныа горы жекдере стерега
 тьша наши . тьша тьша . коулю
 балавы . аица мта на кони даво
 сплесе . дауаи се по свт тыно аи
 жере пчашое гатра аже дерн . да
 наложилъ есмю то . в . дн . и .
 доуштоуноша . а кормилъ есмие
 годя . а едери же смнхер а ту
 аица . а дн а еса да втса жепи . вни
 аица же едери . а даго венгъ шди
 аи повт . искуленгъ ра и прада
 жере бшаси в гшра жесптв . и тв
 бш доу аица даго венгъ а едери .
 и понаса самны смнхер аица .
 иска аи мжк в роуе вою . что е смн
 не есрменнча . не аи деніе нвемъ
 хрті аи ннв аи м аи шфна сен .
 а есрменнчое и м ахо а и суфъ
 хосапи . и шн нже не вута мс аи мс
 и аи крыти . и шн чельт . и шн вт св
 и шн торго вле . и шн манагу . ии
 шн ии веціе . ии жвиж вей не оу аи
 крыти . а шн вт ртже шн распыта
 вее . шн ии сказв аи шт роуе . а в а да м а

И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани. Они не стали меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали

мкѣ . на рѣжанѣ да шен вѣдѣтъ
дѣтѣмъ египетскимъ . да шен вѣдѣтъ
да шен вѣдѣтъ . да шен вѣдѣтъ .
на соуптанамъ на мастоу пиле бланско .
абрапѣ соуптаномѣ . стѣснѣ на
крѣвѣтнѣ на соломоу . да на днѣ
пѣрѣмѣ . шксамнѣ пѣнѣ . да мако
внѣа голѣта соуптанѣ . да не соуптѣ
его . к . тавкѣ . да му стѣмъ снѣ
на крѣвѣтнѣ на соломоу . да на днѣ
пѣрѣмѣ шксамнѣ . смѣсовнѣ цѣно
лотѣмъ . да не соуптѣ его на . да
конѣмъ . вѣна стѣхѣ голѣтѣхѣ .
да шен вѣдѣтъ египетскимъ .
да пѣрѣднѣмъ пѣвѣн . да плащѣ
вѣмного . да вѣсѣго лылнѣ мечнѣ .
да се бланнѣ . да шнѣ пѣнѣ . да соуп
анѣамнѣ . да шнѣ пѣнѣ . да соупкѣ стѣ
мѣмнѣ египетскимъ . да коннѣ вѣсѣ
спѣвѣхѣ . да сага да кнѣмнѣ . да нѣмнѣ
на гнѣ стѣ шнѣ на пластнѣ на соупнѣ .
зорѣмъ да вѣ шнѣ . вѣсѣ дернѣ .
мѣсѣ стѣ пѣнѣ : г . да нѣ поло . вѣсѣ дернѣ
жѣсѣмъ да кнѣмнѣ вѣ шнѣ пѣнѣ . вѣ соуп

Выехал султан на прогулку, и с ним 20 великих везиров да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи с городками, а городки окованы. А государь сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый, с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками

ВОСНАШЕТИЮ НЕ ДАРА . КЛАНЬСЯ КИ
ЖЕНЕ И НАШЕНО . А ОУМИ НЕ РАШЕ
КНИГА . III . СЛОВОМ ДА ДЕТЬ ПЬС
РАШЕ СВОИ . А КНИИ . И . ПЬС ОУ ПЬ .
СВУЛТАНШЕ СХА . И ЗГАРА ДЕСУ
ВЪ . П . И МЫ ПОВАЛАНЦА . РАШЕ
ВЪ ЗИРЕНЕ ВЫСТАЛО . К . ДА . В . И
ЗЫСЪ . К . ВЪ ЗИРЕНЕ БЕСРАМЕНЬ
СКОУА . А . В . ВЪ ЗИРЕНЕ БЕСРАМЕНЬ
СКИ . А ССВУЛТАНШЕ ДВОРА БЕСРАМЕНЬ
ЕДАЛО . Р . ПЬС . РАШЕ ПЬС И КНИИ
ЛЮДИ . А . С . ПЬС . ПЬС . ДА . ПЬ .
СЛОВОМ . С ГОВОРИМЪ А БРАСНЪ СЕУ .
ДА . Р . А ПЬС ПЬС . И Д . КНИИ ПЬС .
А С РАШЕ ССВУЛТАНШЕ . ВЫШЛО
ДВОРА БЕСРАМЕНЬ ПЬС . ДА . Р .
ПЬС ПЬС И ЛЮДИ . ДА . Р . СЛОВОМ
НА РАШЕ ПЬС ПЬС СЕУ . А ДА М
ХАНО . ВЫШЛО ДВОРА БЕСРАМЕНЬ .
КНИИ ЛЮДИ . А ПЬС ПЬС ПЬС ПЬС
С . ДА . К . СЛОВОМ НА РАШЕ ПЬС . А
БЕСРАМЕНЬ ПЬС ПЬС . А . ПЬС ПЬС .
КНИИ ЛЮДИ ДА С РАШЕ . ДА . ПЬС .
Р . ПЬС . ДА СЛОВОМ ПЬС . НА РАШЕ

Индийское войско

А у виджаянагарского князя 300 слонов, да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч. Султан выехал из города Бидара в восьмой месяц после Великого дня, да с ним выехали 26 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати — конных людей, да 200 тысяч пеших, да 300 слонов в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями

СТРАНСТВИЯ
Афанасия
Никитина

ТВЕРЬ В XV ВЕКЕ

В 1475 году в Москву приехали русские купцы из Литвы. Они привезли толстую тетрадь каких-то записок. Не зная, что с ними делать, купцы передали записки великокняжескому дьяку Василию Мамыреву. Затем рукопись попала к летописцу, и вот «монах трудолюбивый» под тем же 1475 годом записал:

«Того же году обретох написание Офонаса Тферитина купца, что был в Ындее 4 годы; а ходил сказывает-с Васильем с Папиным... Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великаго князя, и сказаша ми — за год до казанскаго похода пришел из орды, коли князь Юрьи под Казанью был, тогды его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох в кое лето пошел или в кое лето пришел из Ындея (и) умер; а сказывают, что деи Смоленска не дошед умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки тетрати привезли гости к Мамыреву Василью к дьяку великаго князя на Москву».

Кто же был этот Афанасий Никитин и как попал он в далекую, загадочную Индию, куда в те годы редко удавалось проникнуть европейцу? Ведь морской путь в Индию был открыт португальцами лишь в самом конце XV века.

Афанасий Никитин был родом «тферитин», тверич, тверитянин, то есть житель города Твери.

Во второй половине XV века Тверь (ныне Калинин) была большим торговым городом. «Тверь в Москву дверь» — гласила народная пословица. По населенности и богатству не многие из русских городов могли соперничать с ней. Разве только Псков да Новгород, не считая Москвы, были больше и богаче ее.

По описанию иностранных путешественников, Тверь еще издали поражала своими размерами, изрядным количеством домов. Расположенная на левом берегу

Волги, Тверь только одних деревянных церквей имела свыше ста пятидесяти. На противоположном берегу стояла деревянная крепость, девять церквей и одна каменная, служившая собором.

В летописях Тверь упоминается впервые только в начале XIII века. Ко времени путешествия Афанасия Никитина, то есть ко второй половине XV века, Тверь еще была столицей самостоятельного Тверского княжества, которое после присоединения к Москве Новгорода было со всех сторон окружено московскими землями.

По внешнему виду города того времени на первый взгляд походили один на другой. Центром являлся «город» — кремль, то есть крепость, стены которой редко складывались из камня: чаще они были деревянными или даже земляными.

У Твери, несмотря на все ее богатства, тоже не было каменных стен. В Тверской летописи под 1369 годом записано, что «град Тверь срубили дровян и глиною помазали». В 1395 году вместо ветхой стены сделали новую, но опять не из камня, а из брусьев. Тверские кремлевские стены часто горели, тогда «паки [вновь] закладывали городень».

Тверской кремль имел вид неправильного треугольника. С одной стороны он выходил на Волгу, с другой — на речку Тьмаку, с третьей был отделен от посада глубоким сухим рвом.

В кремле стояли соборная церковь Спаса Золотоверхого, княжеский дворец, амбары с княжеским добром, тюрьма, архиерейское подворье, дома бояр и приближенных князя, служилых людей, усадьбы соседних помещиков.

За стенами кремля располагался посад, где жили горожане, или, по-тогдашнему, посадские люди. Здесь, на большой площади, стоял гостинный двор, или ряды,— лавки местных купцов. В торговые дни на эту площадь из округа приезжали возы со всяким товаром.

Лавки располагались рядами: мясной ряд, ножовый, охотный, суровский и т. д. В суровском ряду торговали тканями, прежде всего «суровскими», или «сурожским товаром», то есть тонкими (шелковыми и другими) тканями. В гостиный двор привозили свои товары и приезжие купцы. Для них устроено было особое подворье; там купец за плату получал ночлег и стол.

На площади находилась таможня, где облагали сбором все привезенные в город товары, там же была мытная изба, куда вносились пошлины на торговые сделки, и наконец, кабак.

Площадь посада — самое боевое, оживленное место в городе. Здесь постоянно толпился народ и по делу, и просто так — на других поглядеть, себя показать.

Неумолчный шум и гам стоит на площади. Приезжают бирючи — глашатаи князя. Они выкрикивают последние княжеские распоряжения. Где-нибудь в сторонке, чтобы не затоптали, примостились нищие и тянут «Лазаря» или стих про «Голубиную книгу». С шутками и прибаутками расхваливают свой товар голосистые торговцы в лавках, а многочисленные «походячие» торговцы, у которых весь товар при себе, вопят что есть мочи, зазывая покупателей. Наиболее предприимчивые хватают прохожих за полы кафтанов и чуть не силком втаскивают в лавки. За свой товар купец запрашивает втридорога; зная это, покупатель дает вчетверо меньше. Начинается шумный спор, и купец, и посетитель кричат «на голос», божатся, крестятся на иконы, много раз хлопают по рукам, ругаются, а то и подерутся.

Кому нужно написать челобитную, подать жалобу в суд, тот тоже идет на площадь. Там во всякое время можно найти подьячего, готового написать что угодно и на кого угодно. Недалеко от подьячих расположились безместные попы, служащие по домам за небольшую мзду молебны, панихиды и всенощные.

А то вдруг вынесут на площадь покойника, которого некому и не на что похоронить. Сердобольные

прохожие, зная в чем дело, кладут на край гроба деньги-две, кто сколько может.

Не смущаясь покойником, тут же, в толпе, дают свои представления и выкрикивают нараспев веселые погудки скоморохи, а ученый медведь показывает, как ребята горох воруют, как старуха пляшет. Посадская площадь шумит так, что с непривычки можно подумать, будто горит город, татары идут или случилось еще что-нибудь из ряда вон выходящее.

От площади во все стороны расходились улицы. Свое название они обычно получали от стоящих на них церквей или от промыслов жителей: Никольские, Вознесенские, Успенские или Купеческие, Ямские, Кузнечные, Калачные улицы и переулки.

На посаде жили ремесленники и торговые люди. Ремесленники разделялись на мастеров, подмастерьев и учеников. Ученик обычно учился пять лет, после чего переходил в подмастерья. Звание мастера по некоторым специальностям, например по ювелирному делу, было сопряжено со сдачей испытаний. Добротность работы проверяли старосты серебряного ряда.

Улицы были довольно широкие и прямые. Зимой их заносило сугробами снега, а осенью и весной стояла непролазная грязь. Только там, где горожане были побогаче и уличный староста порачительней, улицы мостились бревнами.

По дошедшим до нас сведениям, в Твери было только одно каменное здание — собор, а дома и все остальные церкви были деревянные. Не удивительно, что горожане очень боялись пожаров. Только, бывало, наступит весна и установится теплая погода, по городу, по посаду, по площади ходят бирючи и кричат: «Заказано накрепко, чтоб изб и мылен (бань) никто не топил, вечером поздно с огнем не ходил и не сидел, а для хлебного печенья и где есть варить — поделайте печи в огородах, подальше от хором; от ветру печи огородите и дубьями ущитите гораздо».

Однако, как ни береглись горожане, все же русские города очень часто страдали от пожаров. За время с

начала XV столетия и до отъезда Афанасия Никитина из родного города тверской летописец упоминает о четырех больших пожарах: 1413, 1443, 1449 и 1465 годов. Само собой разумеется, что о таких мелочах, как пожар одного-двух десятков домов, летописец не пишет, он отмечает лишь пожары, когда «погоре полграда» да впридачу «городень на Волге». При тогдашней дешевизне и незатейливости построек город быстро застраивался снова.

ТОРГОВЫЕ ГОСТИ

В XV веке купец становится на Руси все более заметной фигурой. Официальные документы при перечислении различных групп населения нередко упоминают купцов тотчас после духовенства, князей и бояр, подчеркивая этим их возросшее значение.

Главную роль играли на посаде торговые люди. «Купецкий чин» был отличен от прочих посадских. Конечно, влиянием пользовались не те «походячие» торговцы, у которых всего-то товару было на полтину, и не ремесленники, выносившие свою продукцию на базар, а купцы, занимавшиеся «большими отъезжими торгами».

В XV веке между купцами уже существует различие. Одни, крупные богачи, имели десятки приказчиков и сидельцев; другие торговали на занятые деньги, вкладывая в торговлю всю свою сметку да предприимчивость. Удалось дело — живет такой купец неплохо; сорвалось — лучше домой не возвращайся: за долг все отнимет займодавец, а сам незадачливый торговец насидится в «парубе» — тюрьме.

До нас дошел от XVI века рисунок, сделанный неизвестным художником. На рисунке изображен русский купец. Это человек лет за сорок. Ловкая, складная фигура. Лицо с длинной бородой, по-своему красивое. Чувствуются в нем ум и большая энергия. Купец грамотен, в руках у него свиток с какими-то записями. Одет он в длиннополый распахнутый кафтан, под кафтаном рубаха, на ногах мягкие щегольские сапоги, на голове отороченная мехом шапка-колпак.

Жили купцы на посаде в деревянных домах, как и все посадские, только дома были побогаче да попригляднее. Самого дома с улицы не увидишь: он прячется за крепким забором. Ворота и калитка на запоре, во дворе сторож и злые цепные собаки.

Дом всегда ставился посреди двора против главных ворот. Обычно дом зажиточного человека строился в два-три этажа. Верхний, жилой этаж,— это клеть, нижний — подклеть, не всегда даже с окнами. Здесь обыкновенно помещалась прислуга, здесь же находился и товарный склад.

Клеть состояла, как правило, из трех комнат по двенадцать — шестнадцать квадратных метров — передней, комнаты самого хозяина и спальни. На просторном чердаке дома находилась еще одна светлая комната — терем, где жили дочери хозяина. К главному зданию довольно беспорядочно пристраивались бесконечные «повалуши», соединенные с избой сенями. Здесь жили «чады и домочадцы» хозяина. Поварни, то есть кухни, в доме не было, она помещалась в особой постройке во дворе и соединялась с домом крытым переходом.

В дом вело крыльцо, украшенное пузатыми резными колоннами с навесом в виде остроконечной крыши. От крыльца поднималась вверх лестница: ее перила, подпоры, кровля также были богато покрыты резьбой и пестро окрашены. Лестница приводила в рундук — нечто вроде террасы, огороженной точеными перильцами. Из рундука ход вел в теплые сени, а из них — в жилые комнаты. В нижний этаж чаще всего нельзя было попасть иначе как через верхний, и только изредка туда вела особая дверь со двора.

Крыша обычно была двускатная, по ее краю шел резной карниз. Окна по фасаду тоже украшались резьбой, изображавшей фантастических животных, петушков, сердечки и т. п. Резные фигуры наводились золотом и красками. Окна в зажиточных домах были сравнительно большие — косячатые. Косячатое окно делалось с косяками в отличие от окна волокового — задвижного. Вместо стекол в них вставляли слюду. На ночь окна затворялись снаружи пестро расписанными резными ставнями.

Полы в жилых комнатах настилались либо из дубовых отрезков, уложенных плитками, либо просто из

хорошо выструганных досок. Стены обивались тесом «в полоску» или «елочкой». Кругом стен шли прикрепленные к ним скамьи и «стольницы» — четырехугольные табуреты. Стол был покрыт богато вышитым подскатертником. На время обеда поверх подскатертника стлали скатерть. Украшением для стен служили полки, шкафики, поставцы самой различной формы, богато расписанные и разукрашенные резьбой. На полках и в шкафах стояла парадная посуда: сулеи, братины, ковши, кубки, стопки и т. д. Освещались жилые покои восковыми и сальными свечами.

Во дворе зажиточного человека кроме построек для жилья стояли мыльня, погреб. За легкой изгородью находились конюшни, скотный двор, сенники, сарай для дров и прочее. При каждом доме был обязательно сад, хотя бы и небольшой. Между его деревьями разводили огород.

Жизнь в купеческом доме начиналась очень рано. Летом все поднимались с восходом солнца, а зимой — часа за три до рассвета. Сутки делились тогда лишь на дневные и ночные часы: час восхода солнца был часом дня, а час заката — первым часом ночи.

Поднявшись с перины, посланной ему на лавке, купец умывался и собирал домочадцев на молитву, после чего все низко кланялись хозяину и расходились по своим делам. Купец советовался с женой, кому какой дать на день урок, какой заказать обед и т. д. На хозяйке дома лежало много обязанностей. Она вставала раньше всех в доме, должна была всем наметить работу по дому, причем требовалось, чтобы каждое домашнее дело она знала лучше любой служанки. Позавтракав, купец обходил хозяйство: конюшни, погреб, скотные дворы, сенники («свой глаз — алмаз, чужой — стеклышко») — и только тогда уже отправлялся в свою лавку.

В полдень он возвращался домой, и семья обедала. Кушанье подавалось на стол все сразу. Вареву хлебали из общей миски, соблюдая очередь, осторожно

и неторопливо неся ложку от миски ко рту, подставляя под нее ломоть хлеба, чтобы не капало на скатерть. Жареное или вареное брали из общего блюда руками. Перед каждым стояла «торель» (тарелка), куда полагалось складывать кости и остатки еды. Приличие требовало сидеть за столом молча, а если вести беседу, то тихо. Строго соблюдались все посты; в среды и пятницы мясного и молочного не ели, а только рыбное. Великим же постом не употребляли и рыбу, а только овощи и фрукты.

После обеда все ложились отдыхать — таков был обычай. А затем снова продолжалась дневная жизнь, каждый возвращался к своим делам. К шести часам торговля прекращалась. Часов до девяти купец занимался чем-нибудь дома или шел в гости. Затем ужинали.

К десяти часам вечера весь посад засыпал.

Существовала в посаде и общественная жизнь. Посад имел свое самоуправление, высшим органом которого являлся «мирской совет» — общее собрание всех посадских. Совет решал вопросы о взимании государственных налогов, о сборах на местные нужды (содержание церквей, богаделен, жалованье выборным и т. д.). Но самой важной функцией совета был выбор должностных лиц посада — старосты и земских целовальников.

Староста, являясь представителем посада во всех его внешних сношениях, обладал большой властью. От него во многом зависела раскладка налогов, он ведал городским хозяйством, распределял мирскую землю и т. д. «Посадские люди, — говорилось в записи на его избрание, — выбрали и излюбили на мирскую службу в старосты [такого-то], ведать ему в мире всякие дела и об них радеть, а нам, мирским людям, его слушать, и ему нас вольно к мирскому делу нудить». Помощниками старосты выбирались земские целовальники, собиравшие налоги, хранившие деньги и производившие по указанию старосты все нужные расходы.

Кроме этих высших выборных чинов посада старосты выбирались от каждого посадского «конца» каждой улицы. Выборные старосты были и у купцов, и у различных ремесленников — серебряников, сапожников и пр.

«Отъезжими торгами» занимались наиболее предприимчивые, отважные и любознательные представители купечества. Купец-путешественник разъезжает со своими товарами не только по Руси, но и по далеким чужим краям.

В XV веке торговля, упавшая после монголо-татарского нашествия, начинает понемногу восстанавливаться. Не удовлетворяясь связью Новгорода с Ганзой*, северо-западная Русь ищет для себя торговых путей в Неметчину через Литву. И она сумела наладить эту связь.

По свидетельству Контарини**, в Москву зимой съезжалось иногда множество купцов из Германии и Польши для закупки мехов. Да и самих русских купцов, особенно тверских, нередко видели в Смоленске, Витебске, Дорогобуже и других городах Литовского княжества.

Большие и оживленные торговые сношения были с Крымом. В Кафе — теперешней Феодосии, — которая до 1475 года находилась во владении генуэзцев, было даже специальное русское подворье. Каждый год отправлялись в Крым партии купцов, собираясь человек по сто двадцать, не считая прислуги. Не прерывалась торговля с Крымом и после захвата Кафы турками.

Но эта торговля всегда была под ударом и зависела

* Ганза — могущественный союз городов, торговавший на Северном и Балтийском морях.

** Контарини — знатный венецианец. В 1473 году был послан Венецианской республикой в Персию, чтобы склонить ее на войну с Турцией. Возвращался на родину Русью вместе с послом Ивана III в Персию — Марко Руффо. Оставил любопытное описание своего путешествия. Его сочинение переводилось и неоднократно издавалось в России.

от того, в каких отношениях находилась Москва с Литвой, так как прямая дорога из Руси в Крым через придонские степи была крайне опасна.

«Подем пути истомны [мучительны]», — говорили в то время. Безопаснее был путь через литовские владения, но здесь даже при мирных отношениях между Москвой и Литвой русские купцы подвергались разного рода притеснениям.

Во многих городах, через которые приходилось проезжать русским купцам, взимались пошлины — «мыт». Сборщики пошлины — мытники вопреки всяким договорам самовольно увеличивали поборы, и московское правительство немало тратило чернил и дорогого пергамента на дипломатическую переписку с Литвой по поводу обид, чинимых купцам.

Не ограничиваясь Крымом, русские торговые люди ходили и во владения турецкого султана — в Азов и самый Царьград, с которым у Руси никогда не прерывались сношения.

В Царьград ходили сухим путем, через Молдавию и Валахию, а иногда через ту же Кафу. Плыли морем в Синоп и вдоль малоазиатского берега шли к Босфору. Из Кафы русские ходили не только в Царьград. Перед ними было все «Заморье». Они посещали Бруссу, бывшую одним из крупных складов восточных товаров, а еще чаще — Токат. Недаром Ахмат, правитель Амасии, Токата и Самсуна, писал, что «великого князя Ивэна многие гости в наш Токат ходят».

Но все же главной торговой дорогой делается постепенно Волга. Ежегодно по Москве-реке, Оке и Волге отправляются суда в Астрахань и дальше.

На развитии восточной торговли при Иване III благоприятно сказывалось то обстоятельство, что Казань долгое время находилась под сильным влиянием Москвы. Если и чинились неприятности русским купцам, то только астраханскими татарами. Это, впрочем, не мешало оживленной торговле с Астраханью, куда русские купцы ездили прежде всего за солью.

Торговали с Москвой и ногайские татары. В летописи есть указание, что однажды в Москву съехалось до трех тысяч двухсот ногайских купцов, которые привели на продажу сорок тысяч лошадей.

По Волге отправлялись русские купцы в Шемаху (Закавказье) и Персию — за шелком, жемчугом, дорогими камнями, перцем, шафраном, мускусом, красками и т. д. На продажу везли они меха — «мягкую рухлядь», воск, мед, коней и другие товары, а несколько позднее — полотно и мед, высоко ценимые на Востоке.

И с Шемахой, и с Персией Иван III обменивался посольствами. Он же пытался наладить прерванные монголо-татарским нашествием дипломатические и торговые отношения с Грузией.

Как известно, русские издавна поддерживали связь с Грузией. Изяслав I был женат на княжне абассинской, а сын Андрея Боголюбского, Юрий, был мужем знаменитой грузинской царицы Тамары, при дворе которой жил Шота Руставели, посвятивший Тамаре свое гениальное произведение «Витязь в тигровой шкуре».

Довольно оживленные торговые сношения установились и со Средней Азией. Кастильский путешественник Клавихо видел русских купцов в Самарканде в начале XV века, а бухарские купцы все время выезжали на Русь. Начинаясь наконец, правда еще не регулярная, торговля с Сибирью.

Русские купцы стали частыми гостями на рынках Западной Европы, Крыма и Ближнего Востока.

В отъезжий торг, особенно за границу, купцы редко ездили поодиночке, они собирались целыми партиями.

Дороги в старой Руси были труднопроходимы. В начале XVI века произошел, например, трагический случай с земляками Никитина.

Возвращалось однажды войско тверского князя из похода в Новгородскую землю. И вот несколько полков «заблудиша в озерах и болотах и начаша мерети гладом, ядиха же конину и кожу со щитов содираще

ядиху, а доспехи свои и оружие пожгоша и приидоша пеши дома своя, а инии мнози изомрош».

Населению было не под силу содержать в порядке дороги, тянувшиеся на тысячи верст. Правда, кое-что для улучшения путей сообщения удавалось сделать. Вдоль дорог тут и там рыли канавы для стока воды. Особенно грязные непроезжие места, болота гатили — заваливали хворостом, песком, а иногда и бревнами — и строили деревянные мосты через речки (но чаще искали броду). На глубоких и многоводных реках сооружали паромы. Конечно, всего этого было совершенно недостаточно, и приходилось надеяться главным образом на летний зной, осушавший грязь, да на зимний мороз, крепко сковывающий болота и топи и воздвигающий ледяные мосты через реки. Но и зимой, и летом дороги в старой Руси одинаково не манили к путешествиям. Летом путники жаловались на обилие всякого «гнуса» — комара и слепней, от которых и людям, и животным не было житья. Зимой снежные метели и снега засыпали «человека по пазуху» и губили целые обозы.

Усложняла путешествия и редкость поселений. Сплошь да рядом невозможно было раздобыть еды, негде было найти приют во время непогоды. Осенью и весной, во время половодья, проезда и вовсе не было.

По сухопутным дорогам ездили в повозках, а также верхом, перевозя товар во вьюках. Одолеть тогдашнюю дорогу лучше всего могла крепко сшитая русская телега. Особенно удобно было то, что вся она была деревянная. Сломается такой экипаж среди безлюдной дороги — путник слезает, вынет топор, вырубит новую ось, чеку и едет дальше.

Разъезжать по Руси в то время могли только люди сильные, хорошо вооруженные и не боящиеся разбойничьих шаек.

Долго еще встречались у нас урочища, с названием которых народная память соединила предания о старинных разбойниках — Кудеяре, Ваське-Усе. Разбойники иногда соединялись в большие отряды, чело-

век по триста, с выборным атаманом во главе. Передко такие отряды делали дороги и вовсе непроезжими.

Но и купец-путешественник XV века тоже был не лыком шит. Чтобы отнять у него коробья с товарами, надо было выдержать нешуточный бой. Он ловко владел и мечом, и копьем, и был «свычен к ратному делу», пожалуй, не хуже служилого человека. Один купец-сурожанин, то есть ведущий торговлю тонкими тканями, «красным товаром», прославлен нашей летописью как организатор отпора татарам во время осады Москвы Тохтамышем в 1382 году.

Но если с оружием в руках купцы еще надеялись отбиться от разбойников, то от бесчисленных сборщиков податей никакого избавления не было.

Старую русскую дорогу пересекали во множестве мест постоянные заставы, на которых с проезжих взымали различные сборы. Заставы располагались у въезда и выезда города, возле крупных селений, возле перевозов, и всюду проезжий должен был платить. Главной пошлиной был «мыт». Взимался он с возов с товарами и с судов. Если купец хотел объехать заставу, чтобы избежать платежа, его хватали и заставляли платить «промыт и заповедь», то есть увеличенную пошлину с товаров и штраф. Кроме «мыта», взыскивали «головщину» — по числу людей, сопровождающих воз с товаром или торговое судно; «задние калачи» — с купцов, возвращавшихся домой после торга; «мостовщину» и «перевоз» — при переезде через реку мостом или паромом.

Еще терпимо было, когда все эти пошлины собирались княжескими людьми, но беда, когда власти сдавали какую-нибудь пошлину на откуп окрестным богачам. «Тии откупщики,— горько жалуются в одной челобитной купцы,— врази богу и человеком, сидят по мытам и по мостам на дорогах, берут с товаров проезжую пошлину и мыт, и мостовщину не по указу, а лишнее, воровски, и придираются к проезжим торговым и всяких чинов людям своим злым умыслом напрасно и правят на тех людях промытные день-

ги и задерживают их, и от того в торгах чинится бесторжица и убытки великие; торговые люди торговых промыслов отбыли, и ныне многие обеднели, меж двор скитаются».

Русские купцы предпочитали мучительной сухопутной дороге водную. К тому же стоимость перевоза по воде всегда дешевле, чем сухим путем.

Русские суда строились легкими и плоскодонными, чтобы в случае надобности их можно было перетащить от одной реки до другой. Ходили эти суда и под парусом, и на веслах, и бечевой. Названия они имели самые различные (струги, ладьи, челны, кочи и т. д.), но общим у них всегда был очень небольшой вес и весьма нехитрое устройство.

Посадское население Руси того времени — купечество и ремесленники — было заинтересовано в прекращении княжеских усобиц, разорявших города и препятствовавших нормальным торговым сношениям и работе ремесленников. Посадские стремились к ликвидации политических и таможенных границ между княжествами, тормозивших развитие торговли и ставивших его в зависимость от княжеских раздоров и войн. Препятствовало развитию торговли также отсутствие единой денежной системы, разноречивые в мерах и весах и прочее. Феодальная раздробленность увеличивала число таможенных и других сборов, уплачиваемых купцом, заставляла его страдать от различных местных законов и правил, а порой рисковать и потерей всего товара при встрече с каким-нибудь князем, который, вымещая обиду на другом удельном князе — своем враге, грабил купца, имевшего несчастье проживать в ненавистном ему уделе.

Если раньше, когда силы отдельных княжеств были более или менее равны, горожане поддерживали своих князей, то в XV веке авторитет местных князей был подорван, и горожане начинали все более тяготеть к московскому князю.

Мы знаем, например, что тверские посадские отказались в 1484 году поддерживать князя Михаила во время наступления Ивана III на Тверь. Для них великий князь московский все более становился главою не соседнего княжества, вроде Рязанского или Ярославского, а национального Русского государства, впервые смело и уверенно, в сознании своего достоинства выходящего на мировую политическую арену.

Подъем производительных сил, развитие экономических связей между различными областями, рост национального самосознания русского народа — все это явилось могучим толчком в развитии культуры. Татарское иго, серьезно тормозившее прогресс русского народа, ко второй половине XV века сохраняло лишь номинальный характер, а в 1480 году окончательно было сброшено.

Постепенно распространялась грамотность, «книжных» людей становилось больше. Но все-таки массы оставались неграмотными. Новгородский архиепископ Геннадий, жалуясь на то, что мужик по книге «едва бредет», просил Ивана III, чтобы он велел «училища устроить для обучения грамоте и богословию».

Все письмо Геннадия выдержано в унылых тонах. Училища, которых до татарского ига даже в таком небольшом городке, как Курск, было несколько, исчезли совсем. Князья сами частенько были «не горазды грамоте». Дело обучения перешло, по выражению Геннадия, к «мужикам невежам» или «мастерам», как гордо они титуловали сами себя. Это были частные учителя, которые за горшок каши и гривну денег обучали ребят грамоте, а взрослых, желавших идти в попы и дьяконы, натаскивали на службы прямо с голоса, минуя хитрую науку грамоты. Да и таких мастеров было мало. «Земля, господине, такова, не можем добыти кто-бы горазд грамоте».

Архиепископ Геннадий был прав, что по сравнению с Киевской Русью образованность пала. Татарское иго нанесло русской культуре большой ущерб и в этом. Но после его свержения просвещение постепенно рас-

пространяется снова. Правда, оно почти целиком было в руках духовенства. Светская наука не пользовалась еще особым вниманием. Тем не менее образованность проникла и в среду купечества. В торговом кругу, к которому принадлежал Афанасий Никитин, сыновей учили грамоте и счету, особенно если предполагалось, что им придется заниматься отъезжим торгом.

По старому обычаю, ребят начинали учить лет с восьми-деяти. Задолго до самого учения в купеческих домах собирались семейные советы: когда мальчонка отдавать в ученье да где бы найти «доброго мастера для научения дитяти». Наконец учителя находили и сговаривались с ним о плате и о начале учения.

Годам к тринадцати — четырнадцати купеческий сын кончал «книжное научение». Отец начинал приучать его понемногу к делу. Сначала его заставляли помогать в местной посадской лавке, а позднее отец или дядя брали молодца и в отъезжие торги. Счетной науке молодой купец учился почти исключительно на практике. Лишь изредка математические данные в причудливой форме излагались среди прочих научных сведений в «Азбуковниках», «Шестидневах», «Толковых палеях», «Изборниках» и тому подобных книгах хрестоматийного характера.

Учение по часослову и псалтыри не содействовало, разумеется, расширению кругозора русских людей XV века.

Но мысль человеческую невозможно было запереть, ограничить какими-либо рамками «святоотческих преданий», она «из клепцы [ловушки] излететь хочет».

Время Ивана III и его преемников отличалось усиленной умственной деятельностью русского общества. В складывающемся едином Русском государстве второй половины XV и начала XVI века появляются и разрабатываются новые общественно-политические теории. И как раз в той среде, из которой вышел Никитин, эти теории получают живейший отклик.

В те годы, когда Афанасий Никитин отправился в свое путешествие, мысли о единстве Руси не были высказаны и сформулированы до конца, но они жили в умах передовых людей того времени.

Никитину, как видно из его записок, свойственно постоянное сознание единства интересов Русской земли. На протяжении всего своего «Написания» он выступает не как тверич, рассматривающий события с точки зрения интересов своего Тверского княжества, а как русский человек. Характерно, что о родном городе он упоминает один-единственный раз.

Пораженный однажды громадой индусского храма, Никитин пишет, что «храм с пол Твери будет», — и это все. О русской же земле наш «землепроходец» говорит неоднократно, с большой любовью и горячим патриотизмом.

Несомненно, что Никитин был передовым человеком своего времени. Из его «Хождения» мы видим, что были на Руси люди в XV веке, умеющие просто и беспритязательно писать, тонко и умно подмечать жизнь простых людей. А ведь Никитин даже не был представителем правящего и наиболее образованного сословия, он только «торговый гость». Правда, тогдашний купец — это по большей части путешественник. Он со своими товарами частенько забирается в чужие края. Перед ним проходят картины иной жизни, он знакомится с иными нравами и обычаями. Все это, несомненно, развивало кругозор купца, расширяло его умственный горизонт.

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ И СИНЕМУ МОРЮ ХВАЛЫНСКОМУ

До знаменитого «хождения за три моря» наш Афанасий Никитин, видимо, немало побродил по свету. Как-то во время своего путешествия Никитин, сравнивая Русь с другими странами, упоминает о Крыме, Грузии, Турции, Валахии и Подолии. По-видимому, он раньше бывал во всех этих местах. Иначе зачем же ему нужно было бы сравнивать свою любимую родину с незнакомыми местами: ведь известно, что он до этой записи успел уже повидать Ширван, Персию, Индию и мог бы для сравнения выбрать эти только что посещенные страны.

Но как все же попал тверской купец в Индию?

Одно дело — Крым, Валахия, Царьград — все это места знакомые, постоянно посещавшиеся русскими. Но Индия... Ведь о ней только в былинах пелось!

Приехал однажды к Ивану III Хасан-бек, посол Фаррух-Ясара, владетеля Ширванского царства *. Посол привез в Москву дорогие подарки. Приехал он скорее всего по торговым делам, но, к сожалению, до нас не дошло сведений, о чем велись переговоры. Иван III послал в подарок Фаррух-Ясару девяносто охотничьих кречетов, ценившихся тогда очень высоко, и снарядил в Ширван своего посла, тверитина Василия Папина.

При дальних путешествиях того времени торговец то и дело подвергался риску быть ограбленным. Поэтому купцы старались присоединиться к какому-нибудь посольству, ибо у посла охрана была надежней.

* Ширванское царство занимало в то время область прикаспийского Закавказья с городами Шемаха, Нуха или Шеки, Куба и Дербент.

Услыхал Никитин, что из Москвы едет посольство в Ширван, да еще во главе с земляком, и вместе с несколькими товарищами решил, присоединившись к посольству, ехать туда торговать.

Снарядили тверичи два судна, получили проезжую грамоту своего князя Михаила Борисовича и посадника Бориса Захаровича и в 1466 году поплыли вниз по Волге. Не пишет Никитин, какие товары повез он в Ширван, но вернее всего это были меха, дорого стоявшие на Востоке. Торгуя «мягкой рухлядью», купцы получали огромные прибыли, иногда в сотни раз, а то и больше превышавшие первоначальную стоимость товара.

Проплыли Калязин, Углич. В Костроме взяли великокняжескую грамоту на отпуск за границу.

В Нижнем Новгороде их постигла неудача. Оказывается, они опоздали, и Василий Папин, с которым они должны были там встретиться, уже отплыл. Тверичи решили тогда дожидаться посла ширван-шаха — Хасан-бека и плыть вместе с ним.

Через две недели приехал Хасан-бек. С ним возвращались шесть бухарских купцов, приезжавших торговать в Москву, и несколько московских купцов.

Заплатив все пошлины, маленький караван летом 1466 года двинулся вниз по Волге к морю.

Волгу проплыли благополучно, но близ Астрахани приключилась с путниками беда. Вошли они в Бузань — рукав Волги, вытекающий в пятидесяти километрах выше Астрахани и у Красного Яра соединяющийся с Ахтубою, и здесь встретили трех астраханских татар. Эти татары под великим секретом сообщили путникам, что хан Касим проведал о проезде «торговых гостей» и сторожит их с тремя тысячами татар, чтобы ограбить.

Гости перепугались. Испугался и сам Хасан-бек. Он, видимо, не был уверен, что татары знают о неприкосновенности послов, и поэтому нанял сообщивших ему о грозящей беде татар, чтобы те как-нибудь

ночью, втихомолку, провели суда около Астрахани. Дал им за это посол по однорядке* да по куску полотна.

Ночью стали пробираться около засады. Никитин перешел со своего судна на посольское. Как осторожно ни шли, скрыться не удалось: проводники однорядки и полотно взяли, но татарам подали весть, и те сторожили ночью. На несчастье ночь была лунная, и татары увидали суда:

— Качьма (стой)!

Конечно, русские не остановились и пытались проскочить мимо засады, но меньшее судно, на котором были все товары Никитина, наскочило на рыболовные снасти и встало.

Началась перестрелка с подошедшими вплотную татарами. Во время перестрелки убили одного русского купца и двух татар. Русские с маленького судна перебрались на второе и, пока татары занялись грабежом, пытались уйти. Судну посла удалось прорваться в море, а второе из русских судов, наскочившее на мель, догнали татары, забрали четверых купцов в плен, а остальных отпустили в море «голыми головами», то есть ограбив дочиста. Кое-кто из русских хотел было воротиться назад домой, но татары их задержали, чтобы они не могли сообщить о нападении.

Так вышли в море два судна: на одном — посол, шесть «тезиков» — купцов из Ирана и десять русских, среди которых был и Никитин; на втором судне — шесть московских и шесть тверских купцов.

В море новая беда: налетела «фурстовина» — буря и начала трепать утлые суденышки. Судно с русскими купцами выкинуло на берег у Тархи (крепость на дагестанском побережье Каспийского моря). Сбежались кайтаки (племя горцев), и так как на судне грабить было уже нечего, то захватили и увели в плен

* Однорядка — долгополый однобортный кафтан без ворота, с прямым запахом и с пуговицами.

самых путников. Судно Хасан-бека, где был и Никитин, справилось с бурей и благополучно добралось до Дербента — одного из городов независимого Ширванского царства.

Венецианский посол Контарини, побывавший в Ширване в 1475 году, пишет, что его поразило Ширван, более обильный и плодородный край, чем даже персидский Азербайджан — богатейшая провинция Персии. Про тогдашнюю столицу Ширвана, Шемаху, он пишет, что она «во всех отношениях лучше Тебриза, только размерами меньше».

Русь не только торговала с Ширваном, но и воевала с ним еще в дотатарские времена. Сохранились известия о двух походах русских на Ширван. Судя по этим известиям, первый поход был в 913 или 914 году, когда пятьсот русских судов вошли в устье Дона. Второй поход состоялся в 943 или 944 году. На этот раз русские спустились ниже Баку и поднялись вверх по реке Куре до города Берда.

Отброшенные страшным татарским ураганом из Приднепровья в леса верхней Волги и Оки, русские долго не показываются «на синем море Хвалынском», как именовалось Каспийское море, и только налаживали связи с Ордой. После ее ослабления русские идут туда, но не завоевателями, а купцами подобно Никитину.

В Дербенте Никитин застал великокняжеского посла, земляка своего Василия Папина. Услыхав об участи товарищей, пльвших на втором судне, Никитин и другие купцы били челом Василию Папину и Хасан-беку, чтобы они похлопотали о пленных. Хасан-бек снесся с ширван-шахом и просил его принять меры к освобождению русских. Фаррух-Ясар послал письмо к Халил-беку, кайтакскому князю, который приходился ему шурином.

«...Судно русское разбило под Тархи, — писал ширван-шах, — и кайтакты пришед людей поймали, а товары их розграбили... и ты бы мене доля люди ко мне

прислал и товар их собрал, занеже те люди посланы на мое имя» *.

Товаров не возвратили: они успели исчезнуть без следа, а пленных Халил-бек прислал в Дербент.

Собрались русские купцы и задумались: что же им делать? Решили отправиться в койтул (становищей к ширван-шаху и просить его о помощи.

Ширван-шах Фаррух-Ясар принял торговых гостей ласково, посочувствовал их горю, но в помощи категорически отказал. «И мы, заплакав,— рассказывает Никитин,— да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь, а кои должен, а тот пошел, куды его очи понесли, а иные остались в Шамаhee, а иные пошли работать к Баке».

Положение ограбленных русских купцов было и на самом деле далеко не завидное. У кого хоть небольшое имущество осталось дома, кто не запутался в долгах, чтобы отправиться в Ширван, тот уехал домой (возможно, вместе с Василием Папиным). Но того, кто поехал торговать в Шемаху на занятые деньги, на Руси ждали одни горести. У возвратившегося не только продали бы все имущество за долги, но и он сам попал бы в кабалу. Купцы победнее остались в Шемахе, а некоторые отправились работать в Баку, чтобы не с пустыми руками возвратиться домой.

К ним принадлежал и Никитин. Но, судя по дальнейшим поступкам его, он, видимо, был в несколько лучшем положении, чем остальные его товарищи. Можно предположить, что, когда он перед Астраханью переходил со своего судна на судно посла, сумел захватить с собой какую-то часть своих товаров из самых дорогих и не занимающих много места, возможно, соболей или несколько шкур черно-бурых лисиц.

* Эта и все другие цитаты из записок Никитина сделаны по текстам, опубликованным в сборнике «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.». М.—Л., 1958.

Так или иначе, но у него сохранились кое-какие ценности, правда небольшие.

Никитин направился сначала в Дербент, а затем в Баку, где «огнь горить неугасимы».

Из Баку путешественник решил пойти сначала за море в Персию. Мы не знаем, что его гнало, необходимость ли поправить дела или любознательность. Вероятно, и то и другое вместе. Сам он о причинах, толкнувших его на дальнейшее путешествие, позже писал: «Аз же от многыя беды поидох до Индеи, зан же ми на Русь пойти не с чем, не осталось товару ничево». Не знаем мы также, когда решил он проникнуть в далекую Индию, находясь ли еще в Ширванском царстве или позже. Но, как бы то ни было, зимой 1467 года он отправился в Баку, за море. Отсюда, собственно говоря, и начинается знаменитое его «Хождение за три моря: пръвое море Дербеньское, дория Хвалитьскаа, второе море Индейское, дория Гоидустаньскаа, третье море Черное, дория Стемъбольскаа» *.

* «Дория», или «дарья», — персидское слово, означающее «большая река» или «море». Каждое из морей Никитин называет дважды, употребляя в первый раз слово «море», во второй — его персидский синоним. Каспийское море он именует Хвалынским (или Хвалитьским), а также Дербентским, Индийский океан — Индейским, а также Гондустаньским, от персидского названия Индии. Черное — Стемъбольским, то есть Стамбульским, по Стамбулу — Константинополю.

ЧЕРЕЗ ПЕРСИЮ В ИНДИЮ

Большая часть территории Персии занята пустынями и солончаками. Горные цепи отгораживают внутреннее плато от морей. На севере круто спускается к Каспийскому морю могучая горная цепь, на юго-западе, между изменностью реки Карун и побережьем Персидского залива, лежит обширная и сложная система гор.

Ветры, дующие с моря, несут влажный воздух, но вся влага осаждается на горных склонах. Какое-то количество осадков достается на долю прибрежных долин, но чем дальше от берега, тем горы становятся все обнаженнее и бесплоднее.

На знойном побережье Персидского залива растет финиковая пальма, играющая громадную роль в жизни местного населения. Некоторые из долин, как, например, знаменитая долина Шираз, представляют собой роскошный сад, где растут апельсины, лимоны, гранаты, фиги, виноград, розы.

Северные склоны Эльбурса и Прикаспийская низменность тоже покрыты богатой растительностью: там произрастают дуб, граб, бук, липа, клен и многочисленные плодовые деревья. Это один из центров шелководства, распространенного также в Хорасане и других провинциях Персии (Ирана). Прикаспийские провинции Мазандаран и Гилян благодаря обилию дождей и многочисленным мелким рекам, образующим болота у морских берегов, самые нездоровые местности Персии. Здесь царство злокачественной лихорадки.

На северо-западе, между Турцией и Каспийским морем, высятся труднодоступные горы. Кроме вьючных троп, там нет никаких дорог. Среди этих гор на запад от Тебриза лежит плодородная и густонаселенная долина озера Урмии.

Внутренняя пустынная область тянется на тысячи километров, от Белуджистана до Исфагана и даже дальше, лишь изредка прерываясь клочками плодородной, возделываемой земли. Большая часть этого пространства представляет собой котловины с соленой водой или высохшей солью. На каменистых склонах этих котловин нет ни малейшего признака растительности. За небольшой горной грядой на юго-востоке тянется пустыня с ее зыбучими песками. Климат здесь континентальный. Зимой морозы доходят до 25° , а летом стоит иссушающий зной до 50° . От этой страшной жары прячется все живое, и караваны передвигаются только по ночам, когда температура падает до 10° .

Весной эта пустыня покрывается растительностью, и сюда приходят кочевники с многочисленными стадами овец и коз. Есть здесь и земледельческие районы. Реки внутренней Персии цитаются только от таяния снегов и, не имея притоков, теряются в песках и солончаковых болотах. Однако жители, искусно используя каждую каплю драгоценной влаги из рек и колодцев, сеют рис, хлопок, выращивают фрукты.

Из Баку Никитин переправился Каспийским морем в Барферуш (область Мазандаран). Недалеко от Барферуша в Чебокаре (очевидно, селение Чапакур) Никитин, не боясь лихорадки, прожил полгода, — видимо, по торговым делам или знакомясь с обстановкой, затем начал разъезжать по Персии.

Никитин проехал по Персии больше тысячи семисот километров, видел множество городов. «А города не все писал, много городов великих», — замечает он в своих записках. Наблюдая, он встречал новых людей, но, кроме названий городов, почти ничего не внес в свою тетрадь. Мы узнаем лишь, что из Чебокаре Никитин отправился в Сари, на реке Теджене, затем в Али-Абад и дальше на запад, до Амола — самого большого города Мазандарана. Потом поднялся в горы и за Демавендом спустился к Рею (у Никитина — Орею). Развалины этого величайшего горо-

да средневековой Персии находятся близ нынешнего Тегерана. Тут наш путешественник прожил месяц и пошел на юг в Кашан, затем повернул на юго-запад, в Наин и Йезд, где также пробыл месяц. Оттуда он держал путь на юг — в Керман, Сырчан и Тарум, затем на запад — в Лар, а из Лара — снова на восток, в Бендер, и тут с материка переправился на остров Ормуз (Хормуз, Гурмыз).

В записках Никитина кроме перечисления городов есть еще только запись, что около Рея убиты дети Шаусень-Али, — видимо, он присутствовал на представлении персидской мистерии о гибели Гусейна-бин-Али, внука Мухаммеда. Никитин приводит мусульманское предание о гибели потомков Мухаммеда-Алидов. «...А ту убили Шаусеня [Гусейна], Алеевых детей и внучат Махметевых, и он их проклинал, ино 70 городов ся розвалило».

Далее Никитин деловито записывает, что в Таруме так дешевы финики — «батман * четыре алтына», что ими кормят скотину. Как видно, он считал, что Персию на Руси хорошо знали и писать о ней детально было излишне.

Русский путешественник XVI века купец Федот Котов, так же как и Никитин путешествовавший по Персии, описал виденную им в Рее персидскую мистирию о гибели Хусейна.

Мистерия справлялась мусульманами шиитского толка в первые десять дней мохаррема, первого месяца мусульманского лунного календаря. Шииты предавались печали, ходили в темных разорванных платьях, а фанатики наносили себе раны кинжалами, бичевали себя цепями, втыкали в тело иглы и т. д. Эти траурные дни установлены в память битвы при Кербеле в 680 году, когда, как говорит предание, был убит Хусейн, сын четвертого халифа, то есть преем-

* Батман — мера веса, имеющая на Востоке различное значение, в зависимости от местности, от трех до нескольких десятков килограммов.

ника Мухаммеда-Али. По мнению шиитов, Али был единственным законным претендентом на престол как наиболее близкий родственник Мухаммеда. Гусейн восстал против захватившей власть мекканской аристократической фамилии Омейядов, но был убит по повелению халифа Йезда, и с ним погибли почти все его родственники. От избиения уцелели только жены Алидов и несколько детей.

Представление мистерии происходит на открытом помосте без всяких кулис и занавеса. Написана она стихами, которые актеры читают нараспев.

Русские купцы издавна торговали с Персией, вывозя оттуда главным образом шелк, а туда ввозя полотно, медь и «мягкую рухлядь» — меха. Транзит шелка по водным путям — Волге и Каспийскому морю — был гораздо дешевле, чем караванный путь. Великокняжеское правительство и московские торговые гости крепко держались за этот путь и ревниво охраняли его.

И позднее, в XVI и XVII веках, московское правительство получало множество заманчивых предложений от иностранцев, добивавшихся пропуска через московские земли в Персию и Шемаху, главнейшие тогда рынки шелка-сырца. Но боярская дума на все домогательства обычно сухо отвечала, что в «шахову землю дороги никому давать не велено». А если люди были нужные, с которыми ссориться было невыгодно, как, например, англичане, их старались отговорить, внушали им, что, мол, «в Персию и иные восточные государства английским гостям ходить страшно», что на Волге «многие воры воруют», или утверждали, что «и русские люди нынче в Персию ходить перестали».

Знакомство с Персией не по книгам, а по рассказам бывших там людей отразилось и в нашей письменности, например в заметке о землях за Араратом, помещенной в сборнике XVI века «От книг божественных чтение».

Обменивались русские и посольствами с Персией. В 1475 году посол Ивана III Марко Руффо был в Тебризе у Узун-Хасан-бека вместе с венецианскими послами

Иосифом Барбаро и Контарини. Можно предположить, что московское правительство направило туда своего посла для улаживания каких-нибудь торговых дел.

Об оживленной торговле с Персией и другими странами Каспийского моря писал и Сигизмунд Герберштейн, приезжавший в качестве посла германского императора в Москву при сыне Ивана III Василии Ивановиче. Он рассказывает, что в Дмитрове жило очень много богатых купцов, которые привозили товары с Востока Каспийским морем и Волгой и отправляли их потом в города Московского государства.

Посетил Никитин и Бахрейн, небольшую группу островов у аравийского побережья Персидского залива, в «Катобагряиме, где ся жемчюг родить». Местные жители говорят, что у них на островах «земля — серебро, а море — жемчуг». Венецианский географ и путешественник Бальби рассказывает, что лучший жемчуг добывается именно здесь; в Маскате же, по его словам, опасаясь рыб (то есть акул), которые «жестоки к человеку так же, как он к невинным устрицам, жители не решались ловить жемчуг». Он же сообщает легенду о том, как «родится жемчуг». В апреле раковины поднимаются на поверхность воды и принимают на себя капли дождя. Затем они опускаются на дно моря, и к началу лова, в июле, эти капли затвердевают и превращаются в жемчуг.

Бахрейнский жемчуг считался тогда лучшим и почти весь доставлялся на продажу в Ормуз. Из Ормуза он распространялся по всему миру, попадая и на Русь, где «гурмыжские зерна» были в большой цене.

Бахрейнские острова очень живописны. Море кругом так прозрачно, что невооруженный глаз ясно видит глубину кораллового дна. Новейшие изыскания открыли на островах памятники глубокой древности; здесь бывали, а может быть, и господствовали когда-то финикияне, вавилоняне, а затем персы.

Начиная с Ормуза, или Гурмыза, как звали его тогда на Руси, записки Никитина становятся более интересными. Чувствуется, что путешественник попадает

в «незнаемые» на Руси края, и если и известные, то только понаслышке.

Ормуз — маленький бесплодный островок Персидского залива в нескольких километрах от берега. Благодаря своему географическому положению он долгое время — несколько столетий — был центральным пунктом торговли между отдаленнейшими странами Востока и Запада. Сюда привозились индийские товары, и отсюда начинались регулярные переходы к Черному морю, Константинополю, в среднеазиатские страны и через Ширван на Русь.

Вопреки тяжелым естественным условиям, палящей жары, почти полному отсутствию источников пресной воды и т. д. на этом небольшом скалистом островке возник богатый, роскошный город, за обладание которым боролись персы с арабами, а потом англичане с португальцами. Про Ормуз говорили, что «если бы мир был кольцом, то Ормуз был бы перлом в нем».

«Гурмыз же есть пристанище великое, всего света люди в нем бывают, и всякы товар в нем есть, что на всем свете родится, то в Гурмызе есть все», — пишет Никитин.

По свидетельству путешественников, Ормуз был городом роскоши и удовольствий и ужасающей нищеты. Несмотря на все бесплодие почвы и отсутствие воды, которую местные жители привозили в барках с материка, здесь цвели роскошные сады. Нигде знатные и богатые женщины не носили столько драгоценностей и таких роскошных тканей, как в Ормузе. По ночам в городе гремела музыка, пиры следовали за пирами. В то же время согни ремесленников и бедняков погибали от безводья и болезней.

Самым страшным врагом ормузских жителей была жара. Досталось от нее и Никитину. «А в Гурмызе, — пишет он, — есть варное [палящее] солнце, человека съжжет». Но опыт научил жителей, как бороться с жарой и смертоносным самумом, от которого прятались все живое. Днем улицы города покрывались коврами и циновками, чтобы ноги не прикасались к рас-

каленной почве, над улицами натягивались ткани, создававшие искусственную тень; на перекрестках стояли верблюды с водой. Когда начинался самум, жители залезали в искусственные водоемы и сидели в них до тех пор, пока не стихал палящий ветер.

Интересно в записках Никитина то место, где он говорит о морских приливах, наблюдавшихся им на Ормузе: «...а Гурмыз есть на острове, а ежедень поимает его море по двожды на день».

«В Гурмызе был ясми месяц,— пишет Никитин,— а из Гурмыза пошел есми за море Индейское по Велице дня в Фомину неделю, в таву* с коньми». Среди этих коней был и дорогой жеребец, купленный Никитиным в Персии.

Из Ормуза Никитин выехал 9 апреля 1469 года. Судя по тому, как он старался сократить расходы, как сетовал на дороговизну еды, средств у него было не много. Его чуть не полутораговые торговые скитания по Персии, видимо, не увенчались большим успехом, и на Русь еще не с чем было возвращаться. Тем не менее остатки спасенных ценностей Никитин, видимо, сумел пустить в оборот и приобрел коня.

Бродя по Персии, он услышал, что «во Индейской же земли коня ся у нихь не родят; в их земли родятся волы да буволы, на тех же ездеть и товар иное возять, все делают». Вот он и рискнул затратить большую часть своих средств на покупку очень хорошего, дорогого жеребца, которого решил доставить в Индию. Конечно, манила его не одна только торговая выгода — «прибыток».

Никитин — пытливый и наблюдательный русский человек своего времени. Деловитый и предприимчивый, любознательный и отважный, он смело отправляется «за три моря». Он стремится в далекие, неизвестные края, его манит родина пряностей и благовоний, загадочная Индия, тревожившая тогда воображение всей Европы.

* Тава — даба, вид небольшого судна.

От Ормуза до индийских берегов Никитин плыл довольно долго. «Шли есмь в таве,— пишет он,— шесть недель морем до Чивили».

«Чивиль» — это Чаул, гавань на побережье Индии к югу от Бомбея. Город служил местом, где сходились торговые пути между северо-западной и южной Индией.

Ничего удивительного в длительности этого путешествия нет. Дабы имели около двадцати пяти метров в длину и шесть метров в ширину. По уверению путешественников, дабы строились частенько без гвоздей. Пускаться на таких скорлупах по бурному Индийскому океану было крайне опасно. Дабы при плавании держались берегов и при малейших признаках непогоды прятались в бухточки. Вот почему так долго и продолжалось путешествие Никитина.

При этом переходе Никитин записывал только названия пристаней, где останавливалось судно. Видно, не до записок ему было, да и мало можно было узнать во время короткой стоянки.

Первой пристанью на пути в Индию был Маскат — у Никитина «Мошкат». Это порт на оманском берегу Аравийского полуострова, известный еще в IX—X веках как город, из которого шли корабли в Индию. Климат в нем отвратительный. Позднейшие путешественники называют Маскат «голодным городом». Упоминает еще Никитин по пути «Голат», то есть Калхат, лежащий на юго-восток от Маската. Был он когда-то цветущим городом. В наши дни от него остались одни развалины.

От Маската поплыли путешественники к Диу — у Никитина «Дегу», порт на небольшом острове у самых гуджератских берегов.

Первый город на пути из Ормуза, о котором Никитин сказал несколько слов, был Камбай.

Камбай, по словам путешественников, посетивших его лет на пятьдесят позднее Никитина (например, Варгема), был «отменно прекрасным городом, изобилующим хлебом и плодами». В его окрестностях тя-

нулись большие хлопковые плантации. Сотни кораблей грузили здесь шелковые и бумажные ткани и другие товары. Персия, Турция, Сирия, Аравия и почти все острова Индийского океана снабжались из Камбая шелковыми и бумажными тканями.

Камбай был одним из главных городов Гуджарата (по Никитину, «Кузрята») — независимого мусульманского владения в Индии. Во времена Никитина правил Гуджаратом крутой нравом и деспотичный Махмуд-шах I Байкара (1458—1511). Это герой множества легенд и анекдотов. По мусульманским сказаниям, Махмуд-шах I Байкара был человеком необычайной личной храбрости и силы. В Гуджарате почти нет такого старинного архитектурного памятника, который народная легенда не связала бы с его именем.

Этот мусульманский герой сильно притеснял индусов и постоянно боялся их мщения. В Индии умели мстить не только кинжалом, но и ядом. Чтобы избежать опасности отравления, Махмуд-шах I Байкара, по широко распространенному преданию, придумал любопытный способ. Он стал приучать себя к ядам. Начав с маленьких доз, он увеличил их до размеров смертельных для непривычного человека. За каждой едой ему приносили яды, и он клал их в кушанья. Желая кого-нибудь казнить, он звал виновного к своему обеду. Никто из приглашенных не выдерживал царского угощения и от первых же глотков падал замертво. Махмуд-шах так пропитался ядом, гласит легенда, что редкая из жен многочисленного его гарема оставалась жива, после того как он проводил с нею ночь. Уверяли, что даже мухи, садившиеся к нему на руки или лицо, околевали.

Никитин не передает ни одной из многочисленных легенд, связанных с Махмуд-шахом I Байкара, но зато сообщает важные торгово-промышленные сведения о стране. «Тут ся родить краска да лек», — сообщает он. «Лек», о котором говорится и далее, — это лакх — красильное вещество. «Камбай же пристанище Индейскому морю всему, а товар в нем все делают ала-

чи, да пестреди, да канъдаки, да чинят краску ниль, да родится в нем лек, да ахык, да лон».

Речь идет о текстильном производстве Гуджарата, где выделявали алачу-ткань из сученых шелковых и бумажных ниток, кандак, или киндяк, — бумажную набойчатую ткань, употреблявшуюся в древней Руси на подкладку, пестредь-ткань из разноцветных ниток и т. д. Дважды Никитин говорит о производстве знаменитой растительной краски индиго («ниль»). Лакх представляет собой смолу, собираемую с некоторых растений. Засохшую смолу плавят и отцеживают от примесей. Смола (шеллак) идет на приготовление лаков, политуры и т. п. Упоминает Никитин и о добыче ценного камня сердолика («ахык»), а также о добыче соли («лон»). Путешественник употребляет здесь их местные названия.

В Гуджарате Никитин задержался очень недолго и поплыл дальше на юг.

«И ТУТ ЕСТЬ ИНДЕЙСКАА СТРАНА»

«...А шли есмь в таве 6 недель морем до Чивилия»,— говорит Никитин и, высадившись в Чауле («Чивиль»), добавляет: «И тут есть Индейскаа страна».

Правда, Индия началась раньше, но Никитин видел ее только с палубы дабы да во время коротких остановок. Лишь теперь он вступил твердой ногой на ту землю, о которой пелось в былинах:

Подъезжали тут они под Индеюшку,
А под ту было Индею под богатую.

Никитина не удивила природа Индии. Он уже перед этим видел много пейзажей, нисколько не похожих на его родные леса с перелесками под Тверью. Поразили его люди: все они черные, голова и грудь не покрыты. У людей познатнее — кусок материи «фата», или «фота», на голове и на бедрах. «А князь их — фота на голове, а другаа на бедрах; а княгыни ходять — фота на плечем обогнута, а другаа на бедрах; а слуги княжия и боярьскыя — фота на бедрах обогнута, да щит, да мечь в руках, а иныя с сулицами*, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с лукуы и с стрелами, а все нагы да босы, а жонки ходят голова не покрыта, а груди голы; а паропкы да девочки ходят нагы до 7 лет, а сором не покрыт».

В другом месте, описывая толпу богомольцев около знаменитых храмов Парваты, Никитин снова с удивлением пишет: «Все нагы, только на гузне плат; а жонки все нагы, только на гузне фота». Но были и другие «жонки», людей зажиточных: они не только в «фотах», то есть в покрывалах, но у них «на шиях жемчуг, много яхонтов, да на руках обручи да перстни златы».

* Сулица — ручное холодное оружие вроде копья.

Надо сказать, что обилие драгоценностей на индийской женщине не всегда говорило о большом богатстве. Каждый житель Индии, обладающий хоть каким-нибудь достатком, на все свои средства старался купить драгоценностей своей жене и дочерям.

Маркс в своей работе «Британское владычество в Индии» отмечал: «С незапамятных времен Европа получала великолепные ткани — продукт индийского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом местного золотых дел мастера, этого необходимого члена индийского общества, любовь которого к украшениям так велика, что даже представители самого низшего класса, которые ходят почти нагими, имеют обыкновенно пару золотых серег и какое-нибудь золотое украшение на шее. Всеобщее распространение имели также кольца, надевавшиеся на пальцы рук и ног. Женщины, так же как и дети, часто носили массивные ручные и ножные браслеты из золота или серебра, а золотые или серебряные статуэтки богов встречались среди домашнего скарба» *.

Своеобразный наряд индийцев изумлял не одного Никитина, ему дивились все путешественники прошлого. Марко Поло, говоря о Малабарском побережье, даже иронизирует и пишет, что «во всей провинции Малабар нет ни одного портного, который сумел бы скротить и сшить кафтан, так как все ходят голыми».

Не меньшее удивление вызвал у жителей голубоглазый, светловолосый Никитин. «Яз хожу куды, ино за мной людей много, дивятся белому человеку».

Еда индусов не понравилась выросшему на шах, пирогах и каше тверичу. «А ества же их плоха», — пишет он. Чем же был так недоволен Никитин? «Ядят брынецъ, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, а варят с маслом да с молоком». Брынец — это искаженное слово «бириндж» — «рис». Кичири (кхичри) — это блюдо из риса с маслом и приправами.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 133.

Жизнь, по свидетельству Никитина, очень дорогая. «Жити в Гундустане,— пишет он,— ино вся собина [собственность, наличность] исхарчити, зань же у них все дорого: один есми человек, и яз по полутретия [два с половиной] алтына на день харчю идеть», и это еще при том условии, что он «вина есми не пивал, ни сынды» *.

С нашей точки зрения, странно звучат жалобы человека на дороговизну жизни, когда он тратит в день семь с половиной копеек, или два рубля двадцать копеек в месяц. Чтобы сократить эти расходы, он даже вина не пьет.

Однако следует иметь в виду, что русский рубль конца XV века соответствовал ста тридцати золотым рублям конца XIX века. Таким образом, Никитин на золотые рубли конца прошлого столетия тратил не менее трехсот рублей в месяц.

Из Чаула пошел Никитин со своим жеребцом в глубь Декана, через Гатские горы.

Декан — плато, расположенное в южной части Индии. На севере Декан отделен от низменности реки Ганга невысокими горами, а от низменности реки Инд — системами гор Аравалли. На востоке и на западе края плато приподняты и образуют спускающиеся к морю уступы — Западные и Восточные Гаты. Средняя высота плато шестьсот — восемьсот метров. Общий наклон поверхности — с запада на восток. В этом же направлении текут к Бенгальскому заливу и главные реки Декана. Только две крупные реки в северной части Декана текут на запад. Речные долины служат центрами земледелия. Климат жаркий и сухой. Почва плодородная, но посевы часто страдают от засухи. Вечнозеленый тропический лес растет только на побережье, да отчасти в долинах рек. Плато покрыто саваннами с редкими лесными участками. Главное занятие жителей — земледелие.

* Сында, или сыта, — медовый взвар.

«А из Чювиля пошли есми сухом до Пали 8 дни, то индийскыя горы. А от Пали до Умри 10 дни, то есть город индейскый, а от Умри до Чюнейря 6 дний», — записал Никитин.

Город Пали находится к востоку от Чаула. «Умри» — это, вероятно, Умра, небольшое селение к северу от Пали. «Чюнейрь» же Никитина — это Джунир, или Джуннар, то есть «Старый город», развалины которого находятся на юго-востоке от современного Джуннара (к востоку от Бомбея).

Никитин описывает Джуннар как очень сильную крепость на горе, куда ведет труднодоступная тропинка. «Чунер же град есть на острове на каменом, не делан ничим, богомь сътворен; а ходить на гору день по единому человеку, дорога тесна, пойти нельзя».

Здесь застала его индийская зима (то есть дождливое время года), которая стала «с Троицина дня», то есть в начале июня. Ливень продолжался «еже день и ночь четыре месяца». Дороги испортились, «всюду вода да грязь».

Зимний период — трудовая пора для индийца-земледельца. «В те же дни, — пишет Никитин, — у них орють да сеють». Приготовления к севу начинаются задолго до дождей; землю вспахивают, боронуют, выпаливают траву и кусты, а с наступлением дождей начинается сев как в поле, так и в огородах. «...Сеють пшеницу, да тутурган [вид злака, может быть, просо], ногут [горох], да все съястное».

Зимой и простые люди ходят в покрывалах не только на бедрах, но и на голове и на плечах. А князь и бояре надевают штаны, сорочку, кафтан и три покрывала: одно — на голову, другое — на плечи, а третье в виде пояса.

Приезжим не позволяют жить в крепости, они живут по «подворьям». Никитинское «подворья» — это дхарма-сала, бесплатные помещения для путешественников, отличавшиеся чистотой и удобством. Такие убежища типа караван-сараев были разбросаны по всей Индии, особенно их было много в местах, посе-

щаемых богомольцами. Сооружение дхарма-сала у индусов считалось богоугодным делом. Богатые люди охотно жертвовали деньги на такие странноприимные дома.

Мусульмане переняли этот обычай. Один из делийских султанов, например, построил тысячу семьсот таких домов для путников по всем дорогам северной Индии. В них были отдельные помещения для индусов и для мусульман. Всякий входивший в каравансарай находил там все необходимое сообразно со своим положением. В каждом подворье был брахман — жрец, на обязанности которого лежала забота о путешественниках-индусах. Для мусульман во дворе находилась маленькая мечеть и содержались имам и муэдзин.

Во время странствования Никитина по Индии Джуннар входил в одну из восьми областей Бахманийского царства.

Наместник Джуннара Асад-хан увидел жеребца, которого привез Никитин, пленился дорогим конем и отнял его у незадачливого торговца.

Жеребец Никитина, несомненно, был очень дорогим. «И яз грешный,— пишет путешественник,— привезль жеребца в Ындейскую землю, дошел еси до Чюнеря богъ дал поздорову все, а стал ми сто рублей». Сто рублей по русским понятиям того времени было суммой громадной, примерно соответствующей десятку тысяч рублей на наши деньги.

Отняв жеребца, Асад-хан узнал, что Никитин «не бессерменин, а русский», вызвал его к себе и сказал:

«И жерепца дам да тысячю золотых дам, а стань в веру нашу, в Махмет дени; а не станешь в веру нашу, в Махмет дени, и жерепца возму, и тысячю золотых на главе твоей возму».

Никитин, по всей вероятности, был одним из первых христиан в Декане, и мусульманскому фанатику было лестно перевести его в «Махмет дени» — магометанскую веру.

Что было делать Никитину? Ведь на продаже же-

ребца были построены все его надежды! Все же он не последовал за многими ренегатами-европейцами, продававшими за деньги в лице своей веры свою родину. Так, венецианец ди Конти, который побывал в Индии в первой половине XV века, отказался от христианства. Для Никитина перемена веры была равна измене родине, и он мужественно отказался перейти в магометанство.

Всего четыре дня было дано Никитину на размышления. Но, на его счастье, в эти четыре дня встретился Никитину старый знакомец хозяйочи Махмет, хороснец, с которым он, видимо, познакомился еще в Персии.

«Хозяйочи» — слово искаженное. Можно предположить, что следует читать «хозиначи», что значит «казначей», или же это производное слово от персидского «ходжа» — «господин». «Ходжа» присваивалось уважаемым людям, чиновникам и т. д.

К хозяйочи Махмету и обратился Никитин со слезной жалобой: «Бил есми челом ему, чтобы ся о мне печаловал».

Старый друг не подвел. Он съездил к хану и «отпросил» Никитина, чтобы его «в веру не поставили». «Господь смиловался, не остави от меня милости своея грешнаго и не повеле погыбнути в Чюнере с нечестивыми», — пишет обрадованный Никитин. Его не только не принудили переходить в магометанство, но даже жеребца вернули.

Записывая свое приключение, Никитин подчеркивает, что именно в «канун Спасова дня приехал хозяйочи Махмет хоросанец» и договорился с Асад-ханом об освобождении Никитина в самый престольный праздник тверского Спаса Златоверхова. «Таково господарево чюдо на Спасов день», — заключает Никитин, желая этим еще раз упомянуть о том, что он неизменно верен родине, и родина именно в день праздника помогла ему.

Дальше Афанасий Никитин патетически восклицает: «Ино, братья русьстии християне, кто хочет пои-

ти на Бндейскую землю и ты остави веру свою на Руси».

Хоть и кончилось все это, приключение благополучно и впоследствии в Индии он находит много интересных дел для Руси, товаров, даже сообщает цены на них, но в Джуннаре после приключения с жеребцом Никитин пессимистически записывает: «Мене залгали [обманули] бесермена, а сказывали всего много нашего товару, ано нет ничего на нашу землю».

Недолго прожил еще Никитин в неприятном теперь для него Джуннаре и, лишь только просохли дороги, 15 августа вышел из него и направился в Бидар (у Никитина — «Бедерь»).

«От Чюнеря до Бедеря,— говорит Никитин,— 40 конов», то есть около 430 километров, так как он неоднократно указывает, что «в кове по 10 верст». «А шли есмя месяц», то есть проходили не больше тринадцати километров в сутки. Видимо, дороги были трудны, да, кроме того, Никитин задерживался в некоторых встречавшихся на пути городах.

Из Джуннара Никитин направился в Кулунгир (по его написанию — «Кулоньгерь»), затем в Гулбаргу, бывшую столицу Бахманийского царства, которую он называет то «Колуберг», то «Кельберг», и наконец достиг Бидара. Сам он говорит, что перечислил только большие города, а «промежю тех великих градов много градов, на всяк день по три грады, а на иной день и четыре грады, колко ковов, толко градов» — таким образом, селения встречались примерно через каждые десять верст.

От Джуннара до Гулбарги Никитин шел по странс, почти сплошь заселенной маратхским народом. Это о них он писал: «А гундустанцы все пешеходы, а ходят борзо, а все нагы да босы, да щит в руке, а в другой мечь, а иныя слугы с великими с прямыми луку да стрелами». Никитин дает здесь правильное описание храброго, полунагого маратхского воина.

Ближе к Бидару жили телинганцы — тоже храброе и воинственное племя. Персидский историк мусуль-

манской Индии уверяет, что в самый отчаянный бой они шли с песнями и плясками.

Ничего не говорит Никитин о природе страны. Возможно, что это объясняется относительной скудостью ландшафта Деканского плоскогорья. Малабарское побережье с его вечнозеленым тропическим лесом, изобилующее веерными пальмами, отличается пышной флорой. Однако на побережье Никитин пробыл всего несколько дней. Чем дальше от берега, тем природа становится меньше и меньше похожей на влажные тропики. Само Деканское плоскогорье летом представляет собой унылую равнину. На жаждущей влаги земле, сухой и выжженной, почти нет зелени. Все города и селения прячутся в речных долинах, представляющих собой оазисы. Оживают эти степи лишь тогда, когда прольются благодатные дожди и вся долина зазеленеет и расцветет.

«СТОЛ ГУНДУСТАНУ БЕСЕРМЕНЬСКОМУ»

Ко времени прибытия Никитина вся Индия состояла из фактически независимых индусских и магометанских княжеств, а среди последних наиболее сильным и могущественным было царство бахманидов в Декане.

Добравшись до Бидара, столицы царства Бахманийского, Никитин записал, что Бидар — столица всего мусульманского Индостана. Он ошибался, считая Бахманидов верховными государями всей мусульманской Индии.

Первые мусульманские набеги на Индию относятся еще к половине VII века. Личная храбрость коренного населения Индии, защищавшего свою независимость, и хорошая военная организация сдерживали завоевателей.

Декан до конца XIII столетия не знал мусульманского владычества, и им управляли свои индийские князья. Эта часть Индии была завоевана лишь при династии Хилджи, то есть в XIII веке.

Племянник правителя Дели Ала-ал-дин Мухаммед, завоевав большую часть Декана, с 1296 года сел на престол в Дели. Распадение его империи произошло при Мухаммеде II Тоглуке, который вступил на престол в 1325 году.

Родоначальником Бахманидов, царей Декана, стал бывший раб Гасан. Неизвестно, какой он был народности: по одним сведениям — перс, по другим — афганец. Господином его был брахман Гангу, служивший астрологом при дворе Мухаммеда II ибн Тоглука. Однажды, вспахивая хозяйскую землю, Гасан нашел клад и объявил о своей находке господину. Тот, пораженный честностью раба, приблизил его к себе и, как передает легенда, даже предугадал его блестящую будущность.

Доложили об этом поступке султану. Тот тоже был глумлен бескорыстием Гасана и сделал его сотником. Умный, храбрый вольноотпущенник начал быстро выдвигаться.

В 1347 году в Декане образуется мусульманское царство со столицей Гулбарга, и Гасан становится первым его правителем, вступив на престол под именем Ала-уд-дина.

Новый царь стал искать себе знатных предков и нашел их в древнеперсидском полумифическом царе Ардашире Бахмане, герое иранских эпических сказаний. Так новая династия стала называться Бахманидами.

При жизни Мухаммеда II ибн Тоглука Гасан еще побаивался за судьбу вновь созданного государства, но после смерти этого султана в Индии не осталось силы, которая могла бы сломить Гасана. К концу его жизни владения созданного им царства охватывали чуть не половину Декана и разделялись на четыре области: Даулетабад, Гулбарга, Берар и Бидар. Сыну Мухаммеда II ибн Тоглука, Фируз-шаху III, пришлось признать независимость Декана.

Минуло сто с лишним лет после воцарения Бахманидов в Декане. Они перенесли свою столицу из Гулбарги в Бидар, который украсили со всей восточной пышностью. Ко времени прибытия Никитина в Индию владения Бахманидов имели уже не четыре, а восемь областей.

В это же время власть делийских султанов на севере Индии все больше и больше ослабевала. После Фируз-шаха III, у которого из двадцати трех осталось только одиннадцать областей, династия Тоглука в результате бунтов мусульманских вельмож и восстаний индийцев пала.

При последнем из Тоглукидов явился в Индию в 1396 году «железный хромец» Тимур. Оставив после себя дымящиеся развалины и горы трупов, могучий завоеватель ушел в 1399 году с несметной добычей обратно в Самарканд.

Династия Тоглукидов угасла в 1414 году. После нее царствовали Сеиды (1414—1450) и афганская династия Лоди (1451—1528). Но от былой мощи делийских султанов, некогда владевших всей Индией, давно уже почти ничего не осталось.

В Дели был султан, который только номинально числился главой мусульманского «бессерменского» мира. Наиболее сильным и могущественным стало Бахманидское царство с его столицей Бидаром.

Первые впечатления Никитина от столицы царства Бахманидов расплывчаты. Он записал только, что в Бидаре торгуют конями, камкой, шелком, рабами («да купити в нем люди черные»), овощами и другими съестными товарами. «А на Русьскую землю товара нет» — по-прежнему сокрушается Никитин.

Вообще дорога не успокоила его, он все еще помнит джуннарские неприятности, все еще злится на всех и на все. Едва пробыл Никитин в Бидаре несколько дней, а уже пишет, что жители в Бидаре «все черныя, а все злодеи». Не лучше и женщины — они все непотребной жизни и морят своих мужей зельем. Всюду в Бидаре воровство, обман, злодейство. Но это лишь впечатления первых дней. Позднее, как мы увидим, он меняет гнев на милость.

Из Джуннара Никитин вышел «на Успение пречистые», то есть 15 августа. Шел он месяц, следовательно, пришел в Бидар 15 сентября. А уже «на Покров святые богородицы», то есть 1 октября, мы видим его в Аланде, значит, в первый раз он пробыл в Бидаре всего несколько дней.

Не удивительно, что он поспешил в Аланд, который стоял от Бидара на «12 ковов» — около 120 километров. Там с 1 октября начиналась большая ярмарка. Так как жеребец его все еще не был продан, то Никитин, почти не останавливаясь в Бидаре, направляется на эту ярмарку.

В Аланд «на год един бозар съезжается вся страна Индейскаа торговати, да торгуют 10 дний». Товар доставляют со всего Индостана. «Той торг лучший», —

уверяет Никитин, одних коней приводят тысяч до двадцати. Кстати, видимо, из-за большой конкуренции Никитин и здесь не продал своего жеребца.

В Аланде узнал Никитин любопытные легенды. «Есть в том Алянде и птица гукук, — пишет он, — летает ночи, а кличеть гукук; а на которой хоромине сидеть, то тут человек умереть, а кто ея хочет убить, ино у нея изо рта огонь выйдеть».

Что это была за таинственная, странная птица «гукук»?

Профессор И. П. Минаев считал, что это сова, так как по-санскритски «сова» — «гхука», а на языке хинди — «гхугука». Поверье, что сова приносит несчастье, было распространено не в одной Индии. На Востоке много суеверий связано с различными птицами и животными. Так, например, некий раджа разрушил только что выстроенный дворец только потому, что он был осквернен ястребом-стервятником, посидевшим на его крыше.

В Индии водится громадное количество змей. Никитину удалось видеть в Бидаре змей гигантского размера: «В Бидери же змии ходят по улицам, а длина ея две сажени».

Змеи пользовались в Индии особым почетом. В начале февраля бывали пятидневные праздники в честь ядовитых змей — очковой и гремучей. Имелся и особый храм, где содержались тысячи змей. Ежегодно стекались к этому храму многочисленные богомольцы.

Услыхал Никитин много интересных рассказов и про обезьян: «А обезьяны-то те живут по лесу, да у них есть князь обезьяньский, да ходить ратию своею, да кто их занимает и они ся жалуют князю своему, и он посылает на того свою рать, а они пришед на град и дворы разволяют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, и языки их есть свои, а детей родять много; да которой родится не в отца, не в мать, ини тех мечют по дорогам; ины госдустанци тех имають да учать их всякому рукоделью, а иных продають ночи, чтобы взад не знали побежати, а иных учат

базы миканет» (правильно: «базы микунед» — «играть и плясать»).

Итак, легенда гласит, что у обезьян есть свой язык, свой «обезьянский» царь. Жалуются обезьяны своему царю на обиды, царь посылает на обидчиков свою рать, которой «велми много».

«Князь обезьянский» — это индийский бог Хануман, один из героев Рамаяны *, действующий в образе обезьяны. У индусов обезьяны издавна считались священными животными. В Бенаресе есть храм, посвященный обезьянам. Благочестивые индусы приносят туда плоды, вареный рис и другие лакомства, до которых охочи обезьяны.

Из Аланда воротился Никитин в Бидар к 14 ноября — «О Филипове заговейне» — и оставался там почти четыре месяца, до 4 марта.

В этот приезд он лучше познакомился со столицей «Гундустана бесерменьского». Бидар во время пребывания там Никитина был на вершине своего расцвета. «Град есть велик, а людей много велми», — пишет Никитин.

Бидар и до сих пор является довольно значительным городом Декана. Он был окружен могучими стенами, бастионы которых лежат ныне в развалинах. Дворец султана был расположен в центре восточной части города.

«В султанов же двор, — пишет Никитин, — 7-ры ворота». Вход туда идет извивающимся коридором, чтобы легче было в нем защищаться. Но в настоящее время надо пройти трое ворот, а не семь, как было во времена Никитина.

Внешние ворота покрыты куполом, изнутри этот купол во времена путешествия Никитина был живописно раскрашен яркими красками. Остатки этой живописи видны до сих пор. Вторые ворота покрыты пестрыми изразцами.

* «Рамаяна» — знаменитая древнеиндийская эпическая поэма. Возникновение ее относится к началу первого тысячелетия до нашей эры.

До наших дней сохранились развалины нескольких дворцов. Уцелевшая майолика, кое-где виднеющиеся блестящие краски, изумительные сложные узоры на камнях — все это говорит о былом великолепии бахманийского султана. Недаром восхищенный Никитин писал: «Двор же его чуден велми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да золотом описан велми чудно».

В город, а уж тем более в укрепленный центр пускали далеко не всякого, спрашивали, что за человек путешественник и по каким делам он прибыл. Всех же входящих в центр города переписывали: «А в воротех сядят по 1000 сторожев да по 100 писцев кофаров*, кто поидеть, ини записывают, а кто выйдеть, ини записывают, а гарипов [иностранцев-бедняков] не пускають в град».

Совершенно о таких же порядках рассказывает французский путешественник XVII века Тавернье. Он говорит, что когда иностранец подходил к воротам одного из городов Индии, то его сначала обыскивали, нет ли у него соли и табаку, так как то и другое нельзя было вносить беспошлинно в город. Затем начинались расспросы путешественника. Добытые сведения посылались коменданту, а тот уже решал, можно ли пустить того или иного путешественника в город.

Город крепко охранялся. «Город же Бедерь стерегут в нощи тысяча человек кутоваловых [«котвал» — губернатор или градоначальник], а ездят на конех да в доспесех, да у всех по светычу [факелу]».

Котвал в староиндийском городе был важным лицом. Помимо охраны города ночью у него много было других, самых разнообразных обязанностей. Котвал должен был знать все, что делается в городе. Через ловких людей он должен был разузнать о каждом, кто он и зачем приезжал. Котвал назначал старшин ремесленников. В его ведении находились рыночные

* «Кофаров» — правильно «кяфаров» — немусульман.

цены, причем он обязан был следить за тем, чтобы не было спекуляции. Он должен был следить также за правильностью весов и мер. Им же описывалось и охранялось имущество умерших.

Расстался, наконец, Никитин со своим жеребцом. Продав он его «о Рождестве», то есть 25 декабря.

Мы уже приводили слова Никитина, что «в Индейской земли кони ся у них не родят». Конечно, это не совсем так. Кони в Индии рождаются, но местные лошади мелки и плохи, поэтому лучшие лошади были привозные. Жаркий, влажный климат Индии и неблагоприятный корм считали причиной частого падежа лошадей.

В Декан ежегодно ввозилось до десяти тысяч лошадей. Они доставлялись из различных мест. Верховых лошадей ввозили из Южной Аравии и Фарса. Для военных целей служили татарские кони из степей Золотой Орды.

Арабские и персидские кони ценились в Индии дорого. Это вполне понятно, так как перевоз их морем в Индию был дорог, а главное, сопряжен с большим риском. По арабским сведениям, за арабского коня платили в Индии в среднем двести двадцать золотых динаров. Путешественники XVI века говорят, что хорошие лошади стоили в Индии триста, четыреста, пятьсот и даже тысячу дукатов*.

Судя по этим ценам, Никитин мог много «наложить» (издержать) на своего жеребца, и, несмотря на это, в конце концов его торговая операция увенчалась успехом.

* Дукат — венецианская золотая монета, появившаяся в конце XIII века. Вес дуката был около 3,5 грамма. Стоимость — 4 или 4,5 золотых рубля. 1 динар — 13 граммов серебра.

«САЛТАН И МЕЛИКТУЧАР БОЯРИН»

«А салтан велик, 20 лет», — записал Никитин.

В Бидаре в это время царствовал (1463—1482) Мухаммед-шах III из династии Бахманидов. Его отец, Хумаюн-шах, умер, когда мальчику не было семи лет. Султаном был объявлен в 1461 году его старший брат, Низам-шах. Он царствовал два года, а потом, как это частенько бывало в Индии, скоропостижно скончался, и в 1463 году, не имея полных девяти лет, на престол вступил Мухаммед III. Таким образом, Никитин ошибся: когда он видел султана, тому было не двадцать лет, а неполных шестнадцать.

Конечно, Никитин не представлялся султану во дворце: чин его был не таков. Видел он султана во время выездов, которые очень поразили нашего тверича своим великолепием. В «написании» он возвращается к этому пышному, театральному зрелищу несколько раз.

Видел Никитин обыкновенные, обязательные выезды, видел и специальные праздничные выезды султана на прогулку.

«Солтан же, — пишет Никитин, — выецаеть на потеху с матерью да с женою, ино с ним человек на конех 10 тысящ, а пеших 50 тысящ, а слонов водят 200 наряженных в доспесех золочоных, да пред ним 100 человек трубников, да плясцев 100 человек, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, а все гаурыкы [юные девушки]».

Описывает Никитин и выезды султана в определенные дни недели: «Султан выежжаеть на потеху в четверг да во вторник, да три с ним возыры [везиры — министры] выецають, а брат выежжаеть султанов в понедельник, с матерью да с сестрою; а жонок 2 тысячи выежжаеть на конех да кроватех на золотых, да

коней пред нею простых сто в снастех золотых, да пеших с нею много велми, да 2 возыря, да 10 възыреней [жен министров], да 50 слонов в пополах сукняных, да по 4 человеки на слоне седят нагих, одно платище на гузне, да жонки пешие наги, а тее воду за ними носят пити да подмыватися, а один у одного воды не пьет».

И наконец, видел Никитин праздничный торжественный выезд:

На баграм [мусульманский праздник улу-байрам] на бесерменьской выехал султан на теферичь [прогулку] ино с ним 20 възырев великих, да триста слонов наряженных в булатных доспесех, да с городки [с башенками], да и городки окованы, да в гороткех по 6 человек в доспесех, да с пушками да с пищалми; а на великом слоне 12 человек, на всяком слоне по два проборца [знамени] великих, да к зубом [к клыкам] повязаны великия мечи по кентарю [три пуда], да к рылом привязаны великия железныя гыры, да человек седить в доспесе промежу ушей, да крюк у него в руках железной велики, да тем его править: да коней простых тысяча в снастех золотых, да верблюдов сто с нагарами [литаврами], да трубников 300, да плясцев 300, да ковре [наложниц] 300. Да на султানে ковтан весь сажен яхонты, да на шапке чичак [шлем] олмаз велики, да сагадак [чехол на лук] золот со яхонты, да 3 сабли на нем золотом окованы, да седло золото; да перед ним скачет кофар [индус] пешь, да играеть теремьцем [зонтиком], да за ним пеших много, да за ним благой слон идеть, а весь в камке [парче] наряжен, да обиваеть люди, да чепь у него велика железна во рте, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на султана не наступил блиско. А брат султанов тот сидит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен [балдахин бархатный], да маковица золота со яхонты, да несуть его 20 человек».

Эти выезды были любимейшей потехой индийских властителей. Еще в XIX веке в столицах независимых индийских княжеств индийские раджи таким образом

показывались народу, стараясь ослепить его пышностью и великолепием.

В сжатой картине роскошной и пестрой процессии, нарисованной Никитиным, ярко выступает старая «сказочная» Индия. Все подмечено наблюдательным тверичем, малейшие характерные детали и вместе с тем дано общее четкое описание шумного сверкающего шествия.

В центре шествия — молодой султан. Он весь покрыт драгоценностями: на головном уборе громадный алмаз, одежда осыпана яхонтами, в драгоценностях и его оружие, и сбруя коня. Перед султаном особый слуга несет чхатра (зонт) — символ царского величия. Вокруг султана — впереди, сзади, по бокам — высшие сановники со свитой, музыканты, певцы, танцовщицы, жены, воины, слоны, верблюды с барабанщиками и т. д. и т. п. Все это залито золотом, блестит, шумит.

Идут за султаном не одни мужчины, идут женщины-наложницы, полунагие танцовщицы, рабыни, несущие воду для питья и умыванья. Вместе с матерью и сестрою султана выезжают две тысячи женщин на конях. Такая оригинальная стража из женщин-воинов сохранялась в Индии чуть не до конца XIX века.

Несколько преувеличенным только кажется у Никитина количество войска, сопровождавшего султана при выездах: десять тысяч конных и пятьдесят тысяч пеших.

Такие процессии, которые описывал Никитин, происходили не среди торжественной тишины: звучало пение, плясали «плясцы», оглушительно ревели трубы трубников, пронзительно свистели «свирели» — флейты, и все это покрывалось могучим грохотом литавров, который одновременно раздавался со спин трехсот верблюдов. Обеспокоенные шумом, визжали обезьяны, рычали звери, которых вели на цепях, трубили слоны, ржали кони и неистово вопил народ, созерцая шествие своего владыки, — весь этот блеск и богатст-

во, созданное беспощадными налогами, собирающимися с народа.

Главную роскошь султанского шествия составляли слоны. «Без слонов в царстве нет благолепия. Слоны — главная военная сила царства», — говорится в одном индийском стихе.

Видел Никитин слонов в обычном, повседневном виде «в пополах сукнянных, да по четыре человека на слоне седят нагих, одно платище на гузне».

На праздник улу-байрам слоны выводились, как на битву.

Боевые слоны были в «булатных доспехах», в броне, а на спине у них возвышались «городки» — башенки, нередко окованные железом. В «городках» сидело от шести до двенадцати вооруженных воинов. К клыкам были привязаны два огромных меча, а в хоботе слон держал тяжелую железную гирию.

Снаряженный таким образом слон при тогдашнем вооружении был для неприятеля страшнее, чем в наше время танк. По старинным воззрениям каждый слон заменял пятьсот всадников, а если на его могучей спине сидел еще десяток отборных воинов, то и всю тысячу.

В процессии султана участвовал особый слон, которого Никитин называет «благим». Этот слон шел непосредственно перед султаном. Наряженный в парчу, этот особо выученный слон размахивал железной цепью и не позволял никому приблизиться к султану.

Молодой бидарский султан едва ли занимался чем-нибудь иным, кроме процессий. Это было его самое ответственное правительственное дело. По свидетельству Никитина, страну «держат бояре» — правят савновники. По его же замечанию, «княжат все хоросанци, и бояре все хоросанци». Впрочем, хотя большинство пришлых иноземцев, правивших страной, служивших в отборных войсках султана, составляли хоросанцы, но были среди них и персы из других провинций, и турки, и афганцы.

Таким пришлым человеком был первый сановник Бидара Махмуд Гаван Малик-ат-туджар или «Мелик-тучар боярин», как называет его Никитин.

Фериштэ, индо-персидский историк XVI века, рисует Махмуд Гавана образцом всех человеческих добродетелей.

Махмуд Гаван был персиянин знатного рода. Его предки в течение нескольких поколений занимали высокие посты при правителях Гиляна. Такая же блестящая будущность ждала и молодого Махмуда. Но семья его попала в опалу, и он отправился путешествовать. Где торговцем, где простым путешественником — он объездил много стран, знакомясь с тогдашними мудрецами и учась у них. Фериштэ уверяет, что Махмуд Гаван был образованнейшим человеком мира: он и в Бидар попал, чтобы познакомиться с некоторыми деканскими мудрецами. В Декане он представился Ала-уд-дину Ахмед-шаху II (1435—1457) и так очаровал его блеском своего ума, что султан упросил Махмуда Гавана остаться в Бидаре. Махмуд Гаван внял султановым просьбам, остался и быстро начал взбираться вверх по служебной лестнице. В следующее царствование Ала-уд-дина Хумайюн-шаха (1457—1461) он получил титул «Малик-ат-туджар», что значит «старшина купцов», и сделался первым сановником в Бидаре.

Гаваном, что значит «коровьим» прозвали Махмуда за его якобы остроумный ответ. Сидело будто бы однажды большое общество во главе с султаном на дворцовой террасе. В сад забрела нечаянно корова, подошла к террасе и начала громко мычать. Махмуд часто кичился своей ученостью перед дворцовой камарильей, и вот один из сановников, желая поставить его в неловкое положение, ехидно спросил:

— Быть может, ученый министр, уверяющий, что он знает почти все на свете, объяснит его величеству султану, что говорит корова?

— Она говорит, что я из ее рода, — последовал быстрый ответ, — и не должен разговаривать с ослом.

За этот находчивый ответ он и получил прозвище «Гаван».

Сам высокообразованный человек, Махмуд Гаван много помогал ученым. В Бидаре он построил великолепную медресе (духовная школа) и собрал в ней огромную по тем временам библиотеку в три тысячи рукописей. Фериштэ, видевший медресе через полтора года лет, описывает ее как прекрасное большое здание. Длина трехэтажной медресе была около шестидесяти метров, а ширина свыше пятидесяти. С востока в нее вели широкие ворота с двумя тридцатиметровыми башнями по бокам. С наружной стороны стены были украшены изразцами изумительной работы и стихами из Корана, вырезанными по зеленому и золотому полю.

Фериштэ рассказывает нам и о том, как трагически погиб Махмуд Гаван.

Некоторые из ненавидевших его сановников свели дружбу с доверенным рабом Махмуд Гавана, у которого хранилась, как им было известно, его печать. Они часто приглашали этого раба к себе в гости, угощали и спаивали его. Рабу льстило внимание знатных людей, и он с наслаждением участвовал во всех попойках.

Однажды, напоив раба, сановники попросили его, под каким-то предлогом, поставить на подsunутой ему бумаге личную печать его господина. Мертвецки пьяный раб, позабыв все на свете, прихлопнул печать к пустому листу бумаги. Заговорщикам только это было и нужно. Выше печати Махмуда Гавана они написали от его имени письмо соседнему правителю, царю Ориссы:

«Я утомлен развратом и жестокостями Мухамедшаха. Декан может быть завоеван без больших усилий. На границе Раджамундрии нет ни одного выдающегося полководца, вся эта местность открыта для нашествий с нашей стороны. Так как большинство офицеров и солдат преданы мне, то я присоединюсь

к вам с сильным войском. Завоевав царство соединенными силами, мы разделим его на равные части».

Письмо это с соответствующими комментариями было представлено султану. Мухамед-шах, увидя печать, ни на минуту не усомнился в его подлинности. Послали за Махмуд Гаваном. Друзья его, узнав о всей этой истории, советовали ему бежать, но он пошел во дворец. Султан сам допрашивал обвиняемого.

— Печать моя, но об этом письме я не имею никакого понятия, — твердил Махмуд Гаван.

Но ловко подготовленный заговорщиками, а быть может, и сам, будучи не прочь избавиться от властного советника, султан отдал приказ своему абиссинскому рабу убить Махмуд Гавана.

Трагическая смерть Махмуд Гавана в 1481 году еще больше побуждает Фериштэ к восхвалению этого министра. По его словам, Махмуд Гаван был человеком, чуждавшимся почестей, даже тяготившимся ими. Он обычно одевался в одежду бедного дервиша и жил аскетом. Был бессребреником: все свои громадные доходы разделял на две части и одну тратил на содержание войска, а другую на дела благотворительности, на себя же лично расходовал гроши. Кроме того, Махмуд Гаван покровительствовал ученым, поэтам и был исключительно умным и культурным человеком. Иной образ Махмуд Гавана рисует нам Афанасий Никитин. Главный сановник страны, конечно, не мог не привлечь его внимания, и путешественник несколько раз возвращается к «Меликтучару боярину», или Махмуду, как он его называет.

Описывая султанское шествие, Никитин пишет и о выезде Махмуд Гавана.

«А Махмуд сидит на кровати на золотой, да над ним терем шидян [балдахин шелковый] с маковицею золотою, да везут его на 4-х конях и снастех золотых; да около людей его много множество, да перед ним певцы, да плясцев много, да все с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми и великими, да кони все в

доспесех, да сагадыкы на них, да иныя нагы все, од-
но платище на гузне сором завешен».

Выезд Махмуд Гавана, как видим, мало чем усту-
пал по великолепию выезду самого султана: тут и
шелковый балдахин с золотом, и кони «в снастех зо-
лотых», и «много множество» войск, и певцы, пою-
щие своему господину славу, и плясуны, и пр.

Но может, при выезде такая парадность была обя-
зательна, а в частной жизни Махмуд Гаван был дей-
ствительно очень скромен?

Но и здесь Никитин говорит обратное.

У Махмуд Гавана стояло в конюшнях две тысячи
коней и сто слонов. Обеды его тоже мало походили
на обед бедного дервиша. «А у Меликтучара,— пишет
Никитин,— на всяк день садится за суфрею [трапезу]
по 5 сот человек, а с ним садится по 3 възыри за
его скатертью, а с возырем по пятидесят человек, а
его 100 человек бояринов вшеретных [приближен-
ных]».

И охрана этого сановника похожа на охрану сул-
тана.

«На всякую ночь двор его стерегут 100 человек в
доспесех, да 20 трубников, да 10 нагар [литавры], да
по 10 бубнов великих по два человека бият».

Но всего более противоречит характеристике, данной
Махмуд Гавану Фериштэ, один факт, сообщенный Ни-
китиным.

В то время, когда Никитин жил в Бидаре, из по-
хода вернулись войска с богатой добычей. Привезли
они «камени всякого дорогого много множество». И
вот Малик-ат-туджар, пользуясь своей властью и
могуществом, запрещает продавать все эти драгоцен-
ности купцам и скупает их сам. «А все то камение,
да яхонты, да олмаз покупили на Меликтучара, за-
повсдал дялярем [ремесленникам, ювелирам], что го-
стем не продати».

Зачем же Махмуд Гаван скупал, да еще, как видно,
за бесценок, устранив всякую конкуренцию, «много
множество» драгоценных камней? Ясно, что не для

своего личного потребления, так как он и без того утопал в роскоши, а, скорее, для накопления богатств или для перепродажи с хорошим барышом.

В сообщении Никитина нельзя сомневаться; об этом, наверное, толковали на всех базарах. Возможно, что Никитин сам был из тех «гостей», мимо которых прошли выгодные, сулившие большую прибыль торговые операции с награбленными в военном походе драгоценностями.

Словом, Махмуд Гаван, по Никитину, совсем другой человек, чем у восхищающегося им Фериштэ. А так как Никитин рассказывает как очевидец про живого Малик-ат-туджара, а Фериштэ писал свою историю полтора столетия спустя, стараясь всячески возвеличить мусульманских правителей в Индии, то, несомненно, никитинский облик Махмуда Гавана вернее.

«А СЕЛЬСКИЯ ЛЮДИ ГОЛЫ ВЕЛМИ»

Никитин был единственным путешественником своего времени, который отметил изнанку пышности и сказочного великолепия жизни султанов и их вельмож.

Весь этот блеск и великолепие «велми пышных бояр» и «княжащих» хорасанцев, сказочная жизнь султана с его женами, плясовицами, музыкантами, прихлебателями шли за счет грабежа соседних народов и главным образом своего сельского населения, доведенного до крайней нищеты.

В своей работе «Британское владычество в Индии» К. Маркс указывает, что «В Азии с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»*.

В Индии важнейшую часть государственного дохода всегда составлял поземельный налог. Правда, иногда казна пополнялась военной добычей благодаря трудам ведомства по ограблению соседних народов, но и в мирное время, и в военное одинаково плохо жилось «голому» трудовому народу.

Начиналась война. За что дерутся его властители, крестьянин не знал. Одинаково грабили его свои и чужие войска, одинаково он должен был кормить и тех и других.

Индийская деревня должна была поставлять и воинов, тех самых голых воинов со щитом, мечом или стрелами, которые составляли стотысячные ополчения правителей Индии.

Кончалась война, но не кончались тяготы сельского люда. С особенным рвением начинали собирать на-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 132.

логи. И собирався налог, что называется, «с пристрастием». Не говоря уже о том, что у неплательщика отбиралось его движимое имущество, но и его самого бросали в темницу и пытали, особенно если почему-либо являлось подозрение, что крестьянин утаивает деньги и что он может заплатить налог.

Профессор И. П. Минаев приводит тоскливую песню об этом налоге:

Объявлен налог. Что я буду делать?

Опять налог, а на небе ни облачка,
и весь мир беснуется.

Коли есть что, так молча плати,
а нет — займи, да подать отдай.

Закладывай, коли есть что, а нет — у жены
кольцо вытащи.

Опять налог!

Голод настал, негде еды достать, и всюду
слышатся стоны.

Стряслась над нами великая беда. Гонят нас
из дома вон налоги.

Опять налог!

Единственным утешением индийского крестьянина было лишь то, что хоть и сменялись династии, и травили друг друга султаны, сменялись визири, но никто из властей не вмешивался во внутренний строй деревенской жизни.

Как местные, так и пришлые властители собирали с земли налог, а затем оставляли население в покое, позволяя ему ведать своими внутренними делами и управляться по своему усмотрению. Индийская деревня, несмотря на все смены правлений и верований, цепко держалась за свое, веками выработанное самоуправление, и крестьянин мог надеяться во всякой беде на поддержку соседа.

Размер поземельного налога был громадный. Кроме дохода, отдаваемого правительству, крестьянин должен был уделывать еще часть дохода старосте, писарю

и другим обслуживающим деревню лицам, содержать храм, отчислять известную сумму на взятки начальству, угощать пришлых брахманов и факиров.

Время, когда Афанасий Никитин совершал свое путешествие, было периодом роста закрепощения и ухудшения положения крестьян в государствах Передней и Средней Азии и в Индии. То, что он не сторонился «сельских людей», а, наоборот, жил с ними одной жизнью, помогло ему понять жизнь индийской деревни. В этом одна из подлинно народных, демократических черт Афанасия Никитина.

Необходимо отметить большие лингвистические познания Никитина, говорящие о его незаурядных способностях. Он прошел через Шемаху, Персию, через многие провинции Индии, каждую со своими наречиями и языками. И всюду торговал, общался с народом, с чиновниками и стражей, а иногда и с правителями.

Как же Никитин объяснялся в чужеземных странах? Конечно, он не знал всех языков и не изучал их специально. Но, видимо, он быстро схватывал и усваивал разговорные обороты речи. Кроме того, в те времена купцы обычно владели своеобразной смесью слов из различных восточных языков, служившей жаргоном при торговых сделках.

«В ИХ ЕРУСАЛИМ»

Продав жеребца, который, видимо, все время напоминал Никитину о неприятном приключении в Джуннаре, наш путешественник поогляделся в новой стране. С «бесерменами» Никитин не сошелся. Видимо, после приключения с Асад-ханом, понуждавшим его перейти в «Махмет дени», он опасался заводить с ними близкое знакомство.

Иное дело — коренное население Индии. Индийцы горожане, «делари-ремесленники» и «сельские люди» были очень приветливыми, простыми людьми.

Никитин сумел с открытой душой и подкупающей непосредственностью подойти к местным жителям. «Познав со многими индейцы и сказах им веру свою, что есмь не бесерменин, есть христианин, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуф Хоросани». В свою очередь многие ремесленники и крестьяне, убедившись, что этот белокожий и светловолосый тверич не принадлежит к их гонителям, сблизились с Никитиным. Доверие их к русскому человеку, прибывшему из далекой страны, было так велико, что «они же, — пишет Никитин, — не учили ся от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни от торговле, ни о маназу [намазе, молитве], ни о иных вещах, ни жон своих не учили крыти». И повседневная жизнь индийцев открылась перед Никитиным. Ему стали известны религиозные воззрения, обряды, быт индийской семьи.

Именно поэтому удалось Афанасию Никитину написать правдивые строки о жизни народа, гонимого и притесняемого.

Здесь уместно вспомнить о путешествии Васко да Гамы (1497—1499), которое открыло путь в Индию и дало возможность португальцам взять в свои руки

морскую вывозную торговлю, до тех пор находившуюся в руках мусульманских купцов.

Васко да Гама, обогнув Африку, на хорошо оснащенном судне переправился через море и побывал лишь в одном приморском городе — Каликуте. Целью его путешествия были поиски новых торговых путей для новых потоков колониальных товаров.

Афанасий Никитин путешествовал в одиночку. «Даба», на которой он плыл, была хрупка и подвержена любому ветру. Все ценности Никитина заключались в одном коне. Но когда Никитин увидел новые земли, познакомился с новыми людьми, глубокая жажда познать окружающий мир толкнула его на путешествие в глубь страны. Он сумел найти общий язык с простым индийским народом, слился с ним, и поэтому записи его «Хождения» до сих пор привлекают нас.

Русский характер, русская душа сквозят за каждой строчкой его коротких и вместе с тем образных записей.

Возвратившись из Аланда, Никитин прожил в Бидаре четыре месяца. В начале марта новые друзья пригласили его отправиться вместе с ними в Парвату. «Свещахся [договорился] с индейны,— пишет он,— пойти к Первоти, то их Ерусалим».

Парвата, куда направился Никитин, представляла собой группу храмов; их развалины были обнаружены во второй половине прошлого столетия на южном берегу реки Кришны.

Шел в Парвату Никитин со своими спутниками целый месяц. Индусы направлялись, видимо, к празднику Шива-ратри — празднику ночи, посвященному богу Шиве. Эта ночь торжественно праздновалась по всей Индии, а к наиболее чтимым храмам собирались громадные толпы богомольцев. К этому времени приурочивались и ярмарки. Шла торговля, очевидно, около самых парватских храмов. «Торгу у бутъханы 5 дни», — пишет Никитин. Кстати, употребляемое Никитиным слово «бут» не значит здесь «будда». «Бут» и

«бутхана» — это персидские слова и значат «бут» — «идол», а «бутхана» — «капище», «языческий храм».

Но не ярмарка, которую обычно детально описывает Никитин, поразила его в Парвате, а сам храм и религиозные обряды индусов. «К бутхану же съезжается вся страна Индейскаа на чудо Бутово,— пишет он, а дальше опять подтверждает: — Съезжается к бутхану людей бесчисленно множество».

О празднике Шива-ратри существует древняя легенда.

Некогда один очень грешный и нечестивый человек охотился в лесу. На охоте застала его ночь, и он, боясь диких зверей, взобрался на дерево. Мучимый холодом и терзаемый голодом, провел он всю страшную ночь в лесу. По воле судьбы под деревом, на котором дрожал охотник, стоял столбик «лингам» — символ Шивы. Сам того не ведая, нечестивый охотник почтил великого бога: он бодрствовал всю ночь и ничего не ел, и от каждого его движения падали на священный лингам с дерева капли росы и листья с ветками. На рассвете измученный охотник ушел домой. Когда охотник умирал, за его душой явились посланник бога смерти Ямы и посланник бога Шивы. Между ними разгорелся великий спор. Несмотря на все злодеяния, совершенные охотником, его душу все же взял посланник Шивы за то, что он своим невольным постом, бодрствованием и каплями росы, кропившими лингам, почтил великого бога.

В память этого события — спасения грешника невольным постом и бдением — ежегодно и празднуется Шива-ратри. В эту ночь поклонники Шивы соблюдают строгий пост, не спят и под руководством брахманов совершают омовения, приносят богу цветы и листья и выполняют другие религиозные церемонии над лингамом — символом плодородия и «первейшего бога, равного сиянию миллионов солнц».

Храм порастил Никитина своими размерами.

«А бутхана же велми велика есть, с пол-Твери будет», — с удивлением записывает он. Удивляться было

чему: храмы в Парвате, обнесенные одной стеной, судя по развалинам, занимали в длину около двухсот, а в ширину около ста пятидесяти метров. Внутри ограды был также сад и пруд. Ограда состояла из больших каменных плит длиной около двух метров и шириной около метра каждая. Высота ограды была около четырех метров.

Вся бутхана «камена, да резаны по ней деяния Бутовья, около ея всея 12 резано венцев, как Бут чюдеса творил, как ся им являл многими образы». До недавних пор еще сохранились на стене храма эти двенадцать венцов с изображениями чудес бога.

По описанию Никитина, идол «являл многими образы: первое человеческим образом являлся; другое человек, а нос слонов [Ганес]; третье человек, а виденье обезьянино [Хануман], в четвертые человек, а образом лютаго зверя, являлся им все с хвостом, а вырезан на камени, а хвост через него сажень».

Особенно поразила Никитина одна из статуй Ханумана. «Вырезан из камени,— пишет он,— велми велик, да хвост у него через него, да руку правую поднял высоко, да простер, акы Устьян царь Царяградскы[статуя византийского царя Юстиниана I], а в левой руке у него копие, а на нем нет ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а видение обезьянино».

Видел Никитин кроме этого и других идолов, и «жопок их» с детьми, но он не описывает их подробно, говоря только, что они «нагы» или «нагы вырезаны».

Описывает дальше Никитин, как индусы «чтут» бога, религиозные церемонии, которые ему пришлось наблюдать в Парвате. «А перет Бутом,— пишет он,— стоит вол велми велик [Нанди — священный бык Шивы], а вырезан ис камени ис черного, а весь позолочен». Индусы благоговейно подходят к Нанди и целуют его в копыто, а сыплють на него цветы, и на Бута сыплют цветы». Этот обряд совершался в память Шивы-ратри, ночи Шивы.

Во дворе, где находились храмы, по словам Никитина, ездили «на волех». Эти волы были всячески

разряжены и изукрашены: рога были «окованы медью, да на шие колоколов 300, да копыта подкованы».

Культ вола и коровы как священных животных повсеместно распространен в Индии. Быки, посвященные Шиве, пользуются полной неприкосновенностью. И если одному из них вздумается понежиться на солнце, он ложится поперек дороги, и никто не посмеет его потревожить.

Сообщает Никитин еще об одном любопытном местном обычае: «да у бутханы бреются старые женки и девки, а бреют на себе все волосы, и бороды и головы, да и пойдут к бутхану».

Бритье волос, по предписаниям некоторых индийских законов, было началом очистительного обета, но женщины обычно подстригали свои волосы, но не брили их. Исключение составляли только вдовы. Возможно, что в XV веке религиозный фанатизм был сильнее и в некоторых случаях брились и девушки, и замужние женщины.

Не пропустил острый взгляд Никитина и того, что при входе в ограду, где находились храмы, взималась с молящихся особая пошлина. «Со всякия головы емлют по две шекшены пошлины на Бута, а с коней по четыре футы». Шекшень — мелкая серебряная монета.

Никитин характеризовал индускую религию в следующих словах: «ни крестяне, ни бессермена, а молятся каменным болванам, а Христа не знают».

«А верь в Индеи всех 80 и 4 веры», — пишет он дальше.

Исследователи приводят цифру, близкую к никитинской, упоминая, что в Индии имеется 90 сект. Впрочем, ни индийским, ни европейским ученым до сих пор точно не известно, сколько в Индии различных сект.

Никитин так передает рассказы индусов об их религии: «и оны сказывают: веруем в Адама, а Буты, кажут, то есть Адам и род его весь».

Итак, боги произошли от одного существа, названного Никитиным Адамом. Здесь Никитин пытается изложить кратко какое-то монотеистическое учение. Стремление к единобожию давно известно у индусских мыслителей. Особенно усилилось оно именно в XV веке в связи с проникновением в Индию мусульманства.

«А вера с верою,— сообщает дальше Никитин,— ни пить, ни яст, не женится». Тут, по-видимому, он говорит не столько о сектах, сколько о кастах.

В XV веке уже не было первоначальных древних каст, но от них произошли многочисленные смешанные группы, связанные общностью религии и занятий. Даже высшая каста брахманов не составляла одной группы, а имела многочисленные подразделения. Далеко не всякий брахман одной группы соглашался общаться, есть, пить и породниться с брахманом другой группы. Ведали всем внутренним распорядком таких подкаст особые выборные, а иногда наследственные старшины, которые строго преследовали все нарушения устава, налагали штрафы, взыскания и исключали из касты.

Индус, принадлежащий к какой-нибудь касте, ни за что раньше не стал бы есть с человеком другой касты, в особенности с мусульманином. Это подметил Никитин и пишет, что «индеяне с бессермены ни пюють, ни ядять». Больше того, он сообщает, что индусы «от бессермян скрываются, чтобы не посмотрил ни в горнец [котелок], ни в яству, а посмотрел бессерменин на еству, и он не яст». Это, видимо, особенно нетерпимые из них, считающие, что один взгляд нечистого мусульманина уже оскверняет их пищу.

У некоторых индусов эта нетерпимость распространилась не только на мусульман, и потому они «ядять иные, покрываются платом, чтобы никто не видел его», они «один с одним ни пюють, ни яст, ни с женою».

Об одной секте было известно, что принадлежащие к ней индусы сами готовят себе пищу и едят ее тайком от других. Если во время приготовления пищи

кто-нибудь взглянет на нее, она тотчас же выбрасывается. Осквернение могло произойти не только от общения с человеком другой касты. Не ели даже со своими родными, ибо «кто знает, какой великий грех скрыт у кого». Один же из старых законов определенно советует: «Не вкушай пищи вместе с женой — не сильно будет потомство».

Само собой разумеется, что при таких обычаях в дороге каждому необходимо было иметь свою посуду как для приготовления пищи, так и для питья. «На дорожке,— говорит Никитин,— кто же себе варит кашу, а у всякого по горнцу». Здесь можно добавить, что даже форма земляной насыпи, на которую ставят кушанье вместо стола, у каждой касты была особая. У браминов эта насыпь четырехугольная, у кшатриев — треугольная и т. д.

Человек высшей касты, если ему не хватало еды, мог принять пищу от человека низшей касты только в крайней нужде. Брахман от небрахмана, например, мог взять пищу только после трех дней голода.

Описывает Никитин и как едят индусы. «А едят все рукою правою,— сообщает он,— а левою не примется ни за что, а ножа не держать, а ложки не знают». Все это подмечено точно: имеется прямое указание в религиозных законах, что есть надо правой рукою, не прикасаясь к пище левой. «Кто выпьет воду левой рукою, тот как бы выпил вина, то есть совершил грех».

«Ясти же садятся,— пишет Никитин дальше,— они омывают руки да и ноги, да и рот пополаскывают».

Действительно, индусу предписывалось перед едой омыть руки и ноги и выполоскать рот. Есть надо на открытом чистом месте. Перед едой нужно отогнать от себя страсть, гнев и жадность. Все это понятно. Но надо было кроме этого пощелкать пальцами, чтобы отогнать и злых духов. Садиться за еду предписывалось с обнаженной головой и без обуви. Кто ел с покрытой головой или обратившись лицом к югу, ока-

зывается, вкушал пищу «злых духов», и она не шла ему на пользу.

Совершенно верно отмечено Никитиным, что инду-сы «ядят же днем двояжды, а ночи не ядят». Право-верный индус до сих пор ни за что не станет есть ночью.

Насчет мясной пищи Никитин пишет, что «иные же боранину, да куры, да рыбу, да яйца ядят, а волови-ны не ядят, никакаа вера». Но несколько позже Ни-китин уже утверждает, что «индияне же не ядят ни-которого мяса, ни яловичины, ни боранины, ни куря-тины, ни рыбы, ни свинины, а свиной же у них велми много».

Второе замечание записал Никитин, вероятно, после встречи с индусами из каст, которые на самом деле не едят никакого мяса.

Совершенно верно то, что говорит Никитин о неупот-реблении индусами говядины. Убить корову счита-лось, с точки зрения религиозных индусов, непрости-тельным грехом. Для верующего индуса корова — представительница на земле богини Бхагавати. Кто по-молился и почтил корову, тот как бы почтил всю землю.

«Индияне же вола зовуть отцем, а корову ма-терью», — пишет Никитин. В молитвах корова назы-вается блаженною, чистою дочерью Брахмы. Все, что получается от коровы, все исполнено святости и бла-годати, даже коровий навоз.

«А калом их [кизяком], — сообщает Никитин, — пе-кут хлебы и еству варять себе, а попелом тем ма-жуться [рисуют себе пеплом] по лицу и по челу и по всему телу их знамя [ритуальные знаки]». Не только пепел, но и сам коровий навоз, по представлению ин-дусов, имеет целебное свойство как средство против ревматизма, накожных болезней и мокроты.

По словам Никитина, в Индии никто не пьет креп-ких напитков. Вино, по учению брахманов, запретный напиток. По тому же учению, душа человека после его смерти, в зависимости от образа земной его жиз-

ни, воплощается в тот или иной предмет или в живое существо. Пьянице грозили ужасы в следующем его воплощении — душа его после смерти должна была переселиться в осла.

Несмотря на свое категорическое утверждение об отказе индусов от крепких напитков, Никитин знал об индийских винах. По его словам, «вино же у них чинят в великих оресех кози гуньдустаньскаа; а брагу чинят в татну». Вино, о котором говорит Никитин, по всей вероятности, делалось из кокосовых орехов. «Татной» Никитин, видимо, называет особый опьяняющий напиток.

Заметил Никитин, как кланяются индусы, желая выразить почтение, особенно вышестоящему лицу: «Ины ся кланяють по чернечьскы [по-монашески] обе руки дотычють до земли, а не говорить ничево».

Описал Никитин и как молятся индусы. По его словам, «намаз же их на восток по-руськы». В своих скитаниях по Индии, путешествиях по священным местам он видел не раз молитву индуса и пишет, что они «обе руки поднимають высоко, да кладуть на темя, да ложатся ниць на земли, да все ся истягнуть по земли, то их поклоны». Здесь Никитин описал известное в то время и на Руси «осмичленное поклонение» — ногами [ступнями и коленами], руками, грудью и головой.

Погребальных обрядов индусов Никитин нигде не описывает, он только сообщает, что, «кто у них умереть, ини тех жгут, да пепел сыплють на воду». Он говорит здесь о самом последнем акте погребения.

Относительно обрядов при рождении Никитин сообщает только о роли отца, воспринимающего новорожденного и читающего при этом особые молитвы.

Дальше Никитин пишет, что «имя сыну даетъ отецъ, а дочери матери».

Есть у Никитина мелкие ошибки: так, рассказывая об индийских храмах, он говорит, что «бутханы же их без дверей». Индийские храмы, напротив, из-

древле славились своими воротами. Некоторые из этих ворот получили громкую известность по своей отделке, как, например, двери Сомнатского храма.

Не совсем верно и утверждение Никитина, что индийские храмы «ставлены на восток, а буты стоят на восток». Правда, многие храмы Индии обращены своими дверями на восток, но есть немало храмов, построенных без соблюдения этого правила.

Громадный, сказочный мир увидел Никитин в своих «хождениях», мир, с его непривычным укладом, с его восемьюдесятью четырьмя верами. И, потрясенный всем виденным, он восклицает: «О благоверни христиане! Иже кто по многим землям много плавает, в многыя грехы впадает и веры ся да лишаеть христианские».

При Иване III началась, перекинувшись в XVI век, ожесточенная политическая борьба надменных иосифлян — защитников богатых монастырских имений с заволжскими «старцами нестяжателями». Можно предположить, что Никитин еще в Твери знал об ожесточенных религиозных спорах. Ему очень хочется прослыть правоверным человеком. Сколько раз он скорбит, что не ведает «великого дни Воскресения Христова», что приходится гадать о нем только по приметам. «А со мною нет ничево,— жалуется он,— никакая книги, а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини их взяли; и яз позабыл веры хрестьяньския всея и праздников хрестияньских, ни Велика дни [пасхи], ни Рожества Христова не ведаю, ни среды, ни пятници не знаю...» И дальше: «Молю бога, чтобы он хранил меня».

Последние слова написаны не по-русски, а на той смеси восточных языков, которой Никитин придерживается во всех случаях, когда желает скрыть свои подлинные мысли.

Никитин, разумеется, не мог высказать все свои заветные помыслы. Он знал, что на Руси его записки могут попасть в любые руки, за все «вольнодумные речи» ему придется крепко отвечать. И все же иногда

он высказывает взгляды, выдержанные далеко не в духе благочестия.

Никитин сознается, например, что молится только одному «богу вседержителю...» «А иного есми не призывал никоторого имени».

Начинает он свои записки, как все: «За молитву святых отец наших...» Но затем во всем своем «написании» уже ни разу не призывает, что так характерно для каждого православного старорусского писателя, ни святых, ни преподобных, ни мучеников, ни даже божьей матери.

Во время путешествия он говеет и постится. «Месяць март прошел,— пишет он,— а аз месяц мяса есмь не ял, заговел с бесермены в неделю, да говел есми ничево скоромного, никакия ястывы бесерменьския, а ял есми все по двожды днем хлеб да воду». Но это не убеждает нас в его правоверии. Чрезвычайно примечателен следующий эпизод в записках Никитина: незадолго перед отъездом он наблюдает выступление бидарских войск против Виджаянагара. Никитин подсчитывает мусульманское войско; по его подсчету, пошло в поход около двух миллионов человек. Он сам изумлен такой цифрой, «такова сила султана индейского бесерменьского», и дальше опять-таки не по-русски: «мухаммедова вера еще годится».

Более того, написание своего «Хожения» он заканчивает молитвой, суть которой сводится к восхвалению единого бога, как бы он ни назывался.

И к мусульманству, и к восьмидесяти четырем индусским «верам», о которых он «распытах все», Никитин проявляет терпимость и широту взглядов, совершенно необычайную для человека XV века. Нельзя забывать, что официальная церковь жестоко преследовала не только все отклонения от христианства, но даже малейшие «ереси» в пределах господствующей религии.

Совершенно иначе подходит к этому вопросу Никитин. «А правую веру,— говорит он,— бог ведаеть, а

праваа вера бога единого знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту [чистому на чистом месте]».

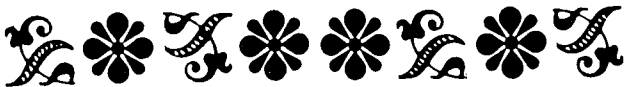
Четвертую пасху справлял Никитин в Бидаре с «бесерменами». Ему крепко взгрустнулось, затосковал он по далекой родине и много плакал «по вере по христианьской». Мусульманин Малик начал убеждать Никитина «в веру бесерменьскую стати». Это отнюдь не было административным произволом Асад-хана джуннарского, здесь был, возможно, дружеский совет. Никитин возразил Малику, что ты совершаешь молитву, и я также совершаю, ты пять молитв читаешь, я три молитвы читаю, я чужестранец, а ты здешний. Иными словами, Никитин хочет сказать, что разница лишь в обрядах, принятых в разных странах, а суть одна. Малик же в конце разговора очень зло заметил ему, что, правда, он не мусульманин, но горе в том, что он и христианства-то не знает.

Видимо, сомнения, обуревавшие Никитина, лишили его речи всякой убедительности. Реплика Малика поразила нашего путешественника, и он пишет: «Аз же в многыа помышления впадох и рекох себе: «горе мне окаанному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю»».

И он успокаивает себя тем, что пока «христианства не оставих», не изменил своей родине, несмотря на четырехлетнее пребывание в индийской земле.

Высказывание Никитина рисует нам его как человека со сложным душевным миром, но подлинного патриота.

ПО ГОРОДАМ ИНДИИ

Из Парваты возвратился Никитин назад в Бидар за пятнадцать дней до магометанского праздника курбанбайрама и отпраздновал там пасху.

Во время пребывания Никитина в Бидаре у мусульман с индийцами была война, о которой он сообщил ценные сведения.

В 1469 году из Бидара двинулась громадная армия под предводительством Малик-ат-туджара, «а рати с ним два ста тысячь да слонов 100, да 300 верблюдов».

Победоносные войска бахманидского султана вернулись в Бидар в июне 1471 года. «Меликтучар,— рассказывает Никитин,— пришел с ратию своею в Бидарю на курбант багрям, а по-русьскому на Петров день».

За два года войны Бахманидскому царству удалось присоединить к себе очень важный порт на Малабарском берегу — Гоа и крепость Белгаон. Об этом-то и рассказывает Никитин, говоря, что «Меликтучар два города взял индейския, что разбивали по морю Индейскому, а князей поймал 7 ...стоял под городом два году». Помимо пленных была захвачена громадная добыча. По уверению Никитина, Малик-ат-туджар «казну их взял» и привез в Бидар «юк [вьюк] яхонтов, да юк олмазу да кирпуков [рубинов] да 100 юков товару дорогово, а иного товару бесчисленно рать взяла». Ценность этой добычи выражается в астрономических цифрах. Недаром так блистали драгоценностями бидарские султаны.

В Бидаре при известии об этих победах наступило ликование, начались непрерывные праздники. На встречу победителю «султан послал 10 възырев стретити его за десять ковов, а в кове по 10 верст, а со всяким възырем по 10 тысячь рати своей да по 10

слонов в деспесех». Сам султан и его мать посетили Малик-ат-туджара в его дворце. Ему были даны почетные титулы, дорогие подарки. Мать царя удостоила его названием «брата».

Перечисляет затем Никитин количество войск, отправленных на войну. Сначала воевать двинулся один Малик-ат-туджар, «а рати с ним вышло 50 тысяч; и султан послал рати своей 50 тысяч да 3 с ним возыри пошли, а с ними 30 тысяч да 100 слонов с ними пошло 3 городки и в деспесех, а на всяком слоне по 4 человеки с пищальми».

Это были только передовые силы, а за ними двинулись главные войска. Выехал и сам молодой султан со стотысячной конницей и стотысячной пехотой, с тремястами слонами, которые тоже все были «с городки да в деспесех». Вслед за войском султана пошло войско его брата; «с братом султановым вышло двора его 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в деспесех».

Но и это было еще не все: за войском султана, его брата и их главного сановника Малик-ат-туджара вышли войска других военачальников. «За Малханом,— перечисляет Никитин,— вышло двора его 20 тысяч конных людей... А з Бедерьханом вышло 30 тысяч конных людей, да з братом, да пеших 100 тысяч, да слонов 25 наряженных с городки. А з Возырханом вышло 15 тысяч конных людей, да пеших 30 тысяч, да слонов 15 наряженных. А с Кутарханом вышло двора его 15 тысяч конных людей, да пеших 40 тысяч, да 10 слонов. А со всяким възырем по 10 тысяч, а с ыным по 15 тысяч конных, а пеших 20 тысяч. А Индейския 4 возыри великих, а с ними рати своей по 40 тысяч конных людей, а пеших 100 тысяч».

Никитин пишет, что «султан ополелся [разгневался] на индейан, што мало вышло с ним, и он еще прибавил 20 тысяч пеших людей, двести тысяч конных людей, да 20 слонов».

«А с ындийским авдономом вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пеших людей 100 тысяч, да 40 слонов, наряженных в доспесех, да по 4 человеки на слоне с пищальми».

Перечислив все эти войска, Никитин изумленно восклицает: «Такова сила султана индейскаго бесерменьскаго». Удивиться было чему: по подсчетам Никитина, в поход вышло около двух миллионов человек и шестьсот пятьдесят слонов. Против могучего виджаянагарского феодального государства были направлены все силы Бахманидского царства и на войну погнали всех способных носить оружие.

Но это грозное войско почти ничего не сумело сделать.

«Война ся им не удала»,— пишет Никитин,— «один город взяли индейской, а людей много изгыбло, и казны много истеряли».

Это вполне понятно. Чтобы прокормить всю эту громаду войск, нужны были огромные средства. Их не хватало, войска питались впроголодь и гибли не столько от неприятеля, сколько от голода и болезней. После взятия одного города войска осадили Виджаянагар. Осада была неудачная. «Под городом же,— рассказывает Никитин,— стояла рать месяц, и люди померли с безводия, да голов много велми изгыбло с голоду, да с безводици; а на воду смотреть, а взять некуды» (в смысле «неоткуда»).

Колоссальное войско, как саранча, пожрало все, что было в окрестностях, и наступил голод. По словам Фериштэ, в Декане в ту пору была страшная засуха, высохли все источники, все водоемы.

Был Никитин и в самом Виджаянагаре, который он называет то Биченегиром, то Чунедаром, то Бинедаром.

Основанный в первой половине XIV века, город Виджаянагар был столицей могущественного царства и около двухсот лет играл большую политическую и экономическую роль. Просуществовало государство Виджаянагар до 1565 года. Особенно могущественным

оно было в XV веке, когда Бахманиды вели с ним непрерывные войны.

Современники Никитина оставили восторженные описания города. Особенно понравился он Абд-ар-реззаку *, послу тимуридского правителя Самарканда Шахруха при дворе виджаянагарского царя. Ему Виджаянагар представлялся земным раем.

«Град побед», по его описанию, был окружен семью стенами и имел семь цитаделей. Седьмая крепость с царским дворцом находилась в центре. Все пространство между первой и второй, а также второй и третьей крепостными стенами было занято возделанными полями, садами, огородами. У ворот последней цитадели, где находился царский дворец, в крытых галереях были расположены четыре базара. На возвышениях среди массы цветов лежали разнообразные товары. Из Цейлона привозили в Виджаянагар драгоценные камни, из Хормуза — жемчуг, из Китая и Египта — парчу и шелковые ткани, с Малабарского берега — перец и т. д. Над всем городом возвышался дворец, окруженный массивной стеной.

Рассказывает Абд-ар-реззак о своем представлении ко двору. Он поднес в подарок царю пять прекрасных коней, несколько кусков дамасского шелка и бархата. Царь находился в роскошном зале, окруженный многочисленной свитой. Одет он в бархат, на шее у него ожерелье из драгоценных камней. Цвет лица царя — оливковый. Он худ, высок и не имеет бороды. Выражение лица приятное. Он милостиво принял посла, благодарил шаха за подарки и велел дать послу денег, бетелю и камфоры. В другой раз Абд-ар-реззак был принят царем во время празднеств. Царь сидел на золотом троне, украшенном драгоценными камнями, на подушке, обшитой жемчугом. По тонкости и изысканности работы трон был совершенством искусства. Зал, в котором был принят посол во второй раз,

* Абд-ар-реззак Самарканди (1413—1482) — восточный путешественник, писатель и дипломат.

превосходил все виденное им по великолепию. Стены и потолок зала были сделаны из золотых листов, украшенных драгоценными камнями.

Виджаянагар, по словам Никитина, «вelmi велик, около его три ровы, да сквозе его река течеть, а со одну сторону его женгель злый [густая чаща, джунгли] и з другую сторону пришел дол, чюдна места велми и угодна на все, на одну же сторону приити некуды, сквозе град дорога, а града взяти некуды, пришла гора велика да деберь зла тикень [труднопроходимые лесистые склоны]».

По словам Абд-ар-реззака, у виджаянагарского царя было миллион сто тысяч войска и тысяча слонов. Восхищенный персидский посол, видимо, преувеличивает силу индийского царя. По другим источникам, у него несколько сот тысяч войска, но отнюдь не миллион. Против этого богатого и могущественного царя из Бидара было двинуто громадное войско. Никитин, бывший свидетелем этого исторического события, записал, что «Меликтучар выехал воевати индеян с ратню своею из града Бидеря на память шиха Иладина, а по-русьскому на Покров святыя богородица».

Видя, как тает его войско, Малик-ат-туджар приказал штурмовать Виджаянагар. Двадцать дней продолжался штурм. Осажденные отчаянно отбивались, но все новые и новые воины лезли на стены. Наконец удалось взять первые стены, которых вокруг города, как мы уже говорили, было семь. Никитин пишет про это отчаянное сражение: «Град же взял индейскы Меликчан ходя, а взял его силою, день и ночь бился с городом 20 дни; рать ни пила ни яла, под городом стояла с пушками; рати его изгыбло 5 тысячь люду добраго [отборного войска]». Наконец «город взяли», то есть первые укрепления; победители «высекли 20 тысячь поголовия мужескаго и женьскаго, а 20 тысячь полону взял и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тенек, а иную по 5 тенек, а робята по 3 тенькы». «Тенькой» Никитин называет тен-

гу — мелкую серебряную монету. Ценность тенги на Востоке была очень различна.

Это было полупобедой: забрали много пленных, но люди в Индии в XV веке ценились дешево, настолько дешево, что за голову пленника платили копейку. Самое же важное — «а казны же не было ничево». Все драгоценности, видимо, заблаговременно были снесены во внутреннюю крепость, которую взять бахманийским войскам не удалось. «А большого града не взял».

Об этом грандиозном походе у других историков имеются лишь противоречивые сведения. Таким образом, Никитин был очевидцем одного из важнейших моментов в истории Бахманидского царства. Без его правдивого описания мы не знали бы интересной страницы из истории Декана, так как поход этот, стоивший громадных усилий бидарскому султану и по существу ничего ему не давший, явился началом заката бахманидской династии, которая просуществовала после этого очень недолго.

Распалось государство Бахманидов на рубеже XV и XVI столетий. Вместо Бахманидского царства образовались пять независимых феодальных государств: Берар, Биджапур, Ахмеднагар, Голконда и Бидар.

Основавшись в Бидаре, Никитин начал путешествовать по Декану. Мы уже говорили, что он побывал в Аланде, сходил со своими друзьями-индусами в «их Ерусалим» — Парвату, побывал мимоходом в Виджаянагаре, добрался он и до Райчура.

Декан издавна славился своими драгоценностями. Много чудес рассказывает об обилии драгоценных камней в Декане путешественник Марко Поло. Он пишет, что «те алмазы, что в наши страны заходят, самые лучшие, самые большие — это только тамошний брак». Уверяли, что после смерти одного малабарского царя осталась такая масса драгоценностей и золота, что одному из трех братьев понадобилось семь тысяч (!?) быков, чтобы перевезти свою часть.

Райчур — город в юго-западной части государства Бахманидов. По имени этого города называется и вся

прилегающая область. В этой-то области и добывались главным образом драгоценные камни. Был там Никитин два раза.

Первый раз он ходил туда из Бидара, чтобы познакомиться с добычей алмазов, да и, наверное, купить их.

«В Рачюре же родится алмаз биркона да нов кона» [старая копь и новая копь]. Далее Никитин рассказывает: «Алмаз же родится в горе каменной, а продают же тую гору каменную по две тысячи золотых нового алмазу».

Никитин не говорил, какие из копей он видел в области, он только сообщает цены на алмазы. По его данным, «почка» обыкновенного алмаза стоила пять рублей (почка — старинный русский вес драгоценных камней — около 1 г), а особенно хорошего — десять рублей. Правители области алмазные копи сдавали частным предпринимателям. За право разработки алмазных копей платили в зависимости от числа рабочих. Никитин указывает и на другую систему сдачи копей в аренду — в зависимости от места разработки, причем тогда различались алмазы новой и старой копи — алмазы из старой были в несколько раз дороже.

Второй раз в Райчуре Никитин был, когда пробирался к берегу, чтобы ехать домой. Тогда побывал он в Кулуре (у Никитина «Курули», «Курыли»), известном своим богатым алмазным месторождением, и прожил там пять месяцев.

На этот раз он ничего не сказал про добычу алмазов, считая, вероятно, что все уже им сказано раньше. Пишет он только, что «в Курули родится ахик [сердолик]» и «ту его делают и на вес свет оттудыва его развозять».

«Пышные велми бояре» в Индии любили украшать себя драгоценными камнями. Драгоценностями была усыпана их одежда, паланкины, сбруя на конях. Со многими делярами, то есть ремесленниками, познакомился Никитин в Бидаре, было их много и в Кулуре,

где они украшали добываемыми на месте алмазами оружие: «...а в Курыли же алмазников триста украшают оружие».

О Каликуте пишет Никитин в своих записках несколько раз, но был ли он там, трудно выяснить. Вернее всего, был. Этот большой приморский город с его громадной торговлей для такого непоседливого путешественника и вместе с тем практического купца, как Никитин, слишком уж был заманчив.

Каликут подробно описан знаменитым арабским путешественником Ибн-Батутой, который посетил город в XIV веке. Торговое значение Каликута было не меньшим, чем Ормуза. Сюда приходили суда и из Эфиопии, и с берегов Западной Африки, из Китая, с Цейлона, с берегов Красного моря. Ввозили в Каликут серебро, золото, кожи, боевых коней, а вывозили разного рода пряности, китайский фарфор, драгоценное дерево и т. п. Ибн-Батута считал Каликут одним из крупнейших портов мира.

Пришел в восхищение от Каликута и Никитин: «А Келекот же есть пристанище Индейского моря всего». Но богатая морская торговля города привлекла в окрестные моря много пиратов. Видимо, близ города стояли их суда, и беда была судну, отклонившемуся от обычной дороги: его захватывали морские разбойники и грабили. Об этом и пишет Никитин, говоря, что «пройти его не дай бог никакому котяку [судну], а кто его не увидит, тот поздорову не проедет морем».

Любопытный купец Никитин трезво перечисляет только то, что можно продавать и покупать. По его наблюдениям, родится в Каликуте перец, инбирь, мускат, корица, гвоздика и другие пряности. Отмечает он и то, что в Каликуте большое число работорговцев, которые торгуют черными рабами и рабынями.

Кроме Индии пишет Никитин о Цейлоне, Бирме, Индокитае и даже о Китае — этих загадочных в то время для европейцев странах, в которых он хоть сам и не был, однако собрал о них сведения.

«...От Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шибайта месяц ити, а от Сибата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачини — месяц итьти, морем все то хождение. А от Чини да до Кытаа итьти сухом 6 месяц, а морем четыре дни ити». «Силян», то есть остров Цейлон, по словам Никитина, «пристанце Индейского моря немало».

Рассказывали Никитину, что есть на острове Адамова гора. По одним легендам, на ее вершине находится гроб Адама, по другим — на этой горе каялся Адам перед богом в своих грехах, и где он стоял, там до сих пор видны отпечатки ступней его ног.

Добывают на Цейлоне драгоценные камни: «чрвьци», судя по цвету («червонный, красный»), — это рубины или гранаты, имеются там «фатисы» (кристаллы), «бабогури» — белый агат и наждак, специальный камень для полировки драгоценных камней.

Богат Цейлон слонами. Цена на них, по сведениям Никитина, колеблется в зависимости от их величины, ибо слонов «продают в локоть», то есть измеряя локтями (старинная мера, несколько больше 60 сантиметров). Есть на Цейлоне «девьякуши», которых «продают на вес».

И. И. Срезневский считает «девьякуш» страусами, от тюркского «девекуши» — «страус». Но, как известно, страусов на Цейлоне нет. Возможно, что Никитин говорит о торговле привозными страусами.

Собрал сведения Никитин и о какой-то большой стране Шабайт или Шабат. Там много шелка, сандала, жемчуга, водятся там слоны, которых, как и на Цейлоне, продают, измеряя величину животного локтями.

В лесах Шабайта много диких кошек и обезьян. Их так много, что люди не решаются ездить по дорогам ночью. Разводят там мускусных оленей кабаргу. У самцов кабарги на брюхе находится мешковидная железа («пупок», по выражению Никитина), выделяющая мускус — ароматическое вещество с резким своеобразным запахом, очень ценившимся в средние века.

Мускусный мешок взрослого самца дает около тридцати граммов мускуса.

Никитин указывает, что страна Шабайт населена особым народом. «Шабайтене не жидове, ни бесермена, ни христиане, инаа вера индейскаа, ни с худы [иудей], ни бесермены ни пияють, ни ядятъ, а мяса никакого не ядятъ».

Никитин пишет, что индийские мусульмане «хоросанцы» пользуются в Шабайте привилегиями: князь шабайтский дает им хорошее содержание — «олафу [жалованье] по тенке на день, и великому и малому». Кто же из хоросанцев женится, то есть оседает в стране, тому князь «даетъ по тысячи тенек на жертву, да на олафу да есть на всякый месяц по двести тенек». По-видимому, Никитин собрал сведения о части Аннама (Индокитай), известной на Востоке под именем Чамбы.

Сведения Никитина о Пегу, части Бирмы, находящейся в бассейне реки Иравади, любопытны потому, что принадлежат к числу старейших сведений об этой стране. В стране много дербышей — дервишей, как называл Никитин буддийских монахов. Любопытную деталь сообщает Никитин про «святых отцов»: оказывается, что в Пегу главными торговцами драгоценными камнями были буддийские монахи. «Продають же камене дербыши», — пишет он.

Про Чин и Мачин Никитин говорит мало и скупо. Под Чином у Ибн-Бакуты подразумеваются более северные части Китая, а под Мачином — Южный Китай. Чин и Мачин понимал Никитин, очевидно, как Китай вообще. «А Чиньское же да Мачиньское пристанище велми велико, да делаютъ в нем чини [фарфор], да продають чини в вес, а дешево».

«УСТРЕМИХСЯ УМОМ ПОИТИ НА РУСЬ»

Шел 1471 год, пятый год скитаний Никитина. Он сам подсчитал время своего «хождения» по «великим дням», то есть по пасхам. Выехав из Руси в 1466 году, первую зиму и пасху 1467 года провел Никитин на побережье Каспийского моря, пасху 1468 года встретил в Персии в Мазандеране, пасху 1469 года — на берегах Персидского залива в Хормузе и пасху 1470 года — в Бидаре.

Стосковался наш путник по Руси. Перечисляя многие из виденных земель и те, о которых слышал, он пишет, что «в Севастей губе, да в Гурзыньской [Грузия] земли добро обилно всем; да Торьскаа земля [Турция] обилна велми; да в Волоской земли [Валлахия, ныне Румыния] обилно и дешево все съестное; да Подольскаа земля обилна всем». Все эти страны хороши, везде там обилие, но нет лучше Руси.

«Русская земля да будет богом хранима; боже, сохрани ее! На этом свете нет страны подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, справедливости мало в ней. Боже, боже, боже, боже!»

Бесконечной любовью к своей родине дышат эти слова Никитина. Не только свою Тверь, он любит всю Русь. Но вместе с тем знает, если дойдут его записки до тверских князей, его непосредственных господ, они не только разгневаются, но могут обвинить его в измене. Поэтому Никитин, скрывая затаенную мечту всего русского народа, возносит хвалу всей Руси на смеси восточных языков.

Тоскуя по родине, Никитин не спит ночами. Он «в великом Бедери смотрил на Великую ночь на звезды». Звезды-то должны быть теми же, что отсвечиваются в тихих волжских заводях. Нет, и звезды здесь другие, а свои, обычные, стоят совсем по-иному: «Воло-

сыны [Плеяды] да кола [Орион] в зорю вошьли, а лось [Большая Медведица] головою стоит на восток».

Видел Никитин прекрасные дворцы, разукрашенные огромные храмы. Он узнал, что в Индии кроме пышных дворцов есть деревни, где тяжело и трудно живут крестьяне-земледельцы, а в городах влачат полурабское существование ремесленники. Дни и ночи трудится народ, для того чтобы золотом был изукрашен княжеский дворец или в короне того или иного владыки засиял новый драгоценный камень.

Познакомился Афанасий Никитин с индийцами, сблизился с ними. Узнал тверич иную жизнь, отличную от той, которая была знакомой и привычной, но в душе его жил неизгладимый образ Руси с ее бескрайними просторами и синими далями. Все сильнее звала к себе родина и родная Тверь, раскинувшаяся на берегу Волги. Заслоняли яркие и пестрые картины «индейской» страны тихие берега вьющейся между лугами Тверцы и Тьмаки, где ловил в детстве мелких раков да рыбешку, мечтая о «хождениях» в дальние страны. Поэтому слова его молитвы — обращение к Руси — волнуют нас и сейчас, и сам Никитин становится близким.

Но как добраться до родины?

Начал Никитин собирать отовсюду сведения и, правильно оценивая сложившуюся обстановку, с грустью пишет: «Спаси мя господи! Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана: на Гурмыз поити, а от Гурмыза на Хоросан пути нету, ни на Чеготай пути нет, ни на Катобогряим пути нету, ни на Езд пути нету. То везде булгак [смута] стал» — и рисует затем этот «булгак».

Мы позже увидим, как трезво и умно разобрался Никитин в тогдашних «булгачных» делах Малой Азии, и он вполне был прав, когда боялся пуститься в обратный путь через Персию.

Через Мекку, через Аравию, куда из мусульманской Индии шли ежегодно тысячи паломников, путь Никитину был также закрыт. «А на Мякъку поити,

ино стати в веру бесерьменьскую, зань же христиане не ходят на Мякъку веры дея [из-за веры] что ставят в веру». Переход в мусульманство был для него неизменно равносильным измене русской земле.

Не решив еще, каким путем он доберется до Руси, Никитин тем не менее навсегда прощается с Бидаром и медленно, зигзагами начинает пробираться из глубины Декана к берегу. Он твердо «възмыслил ся пойти на Русь».

Вышел Никитин из Бидара в Гулбаргу за месяц до мусульманского праздника улуг-байрама. В Гулбарге он отпраздновал свою пятую странническую пасху и направился в Кулур. Мы уже говорили о его пребывании там. В Кулуре Никитин прожил пять месяцев, видимо закупаая алмазы и сердолики. Из Кулура Никитин не сразу пошел по берегу, а свернул на север «в калики» [по-видимому, Голконду], вероятно, потому, что в Голконде «базар велми велик» и ему нужно было там продать закупленные в Кулуре драгоценные камни. Отсюда Никитин снова направляется в Гулбаргу и затем идет в Аланд, а оттуда прямым путем в Дабул. По дороге он проходит «Каминдрею, Кынарясу и Сури». Никитин так искажил последние названия, что до сих пор трудно догадаться, что это были за города.

Пространствовав почти целый год, Никитин в начале 1472 года наконец добрался до Дабула — одной из важнейших пристаней Малабарского побережья и довольно сильной крепости.

Дабул находился во время путешествия Никитина во власти Бахманидов. В начале XVI века город был разрушен португальцами.

«Дабыл же есть пристанище велми велико,— пишет Никитин,— и привозять кони из Мисюря [Египта] и из Рабаста [Аравии], из Хоросани, ис Туркустани [Восточный Туркестан], из Негостани [искаженное слово, возможно, Исфахан — город в Иране], да ходить сухом месяць до Бедери да до Кельбергу».

Таким образом, по сведениям Никитина, через Дабул шел ввоз коней в Индию. В другом месте он снова возвращается к Дабулу и пишет, что «Дабыль же есть град велми велик, а к тому же Дабилли съезжается вся поморья Индейскаа и Ефиопьскаа».

В Дабуле пробыл Никитин недолго, уж очень он «устремился умом пойти на Русь». Скоро он нашел попутчиков, «внидох [сел] в таву» и в начале 1472 года покинул Индию, где провел почти три года, от весны 1469 до января — февраля 1472 года.

За провоз до Ормуза Никитин заплатил два золотых. Это морское путешествие не обошлось без неприятных приключений.

Плыли по открытому морю целый месяц «не видах ничево», затем «на другой же месяц увидех горы Ефиопьския». Капитан ли оказался неискусным, или ветры помешали, но только судно вместо Ормуза прибыло к берегам Эфиопии. Арабы («ефиопы» — так называет их Никитин) пользовались плохой репутацией, как морские разбойники.

Но все обошлось благополучно: путники откупились от арабов, раздав им много рису, перцу и хлеба.

Через пять дней снова пустились они в путь и через двенадцать пришли в Маскат. Здесь пришлось Никитину праздновать шестую пасху со времени отъезда из Твери.

Персидским заливом плыть было уже не так страшно, и после девятидневного пути Никитин высадился в так пленившем его купеческое сердце Хормузе.

В Хормузе Никитин прожил сравнительно долго. «В Гурмызе бых 20 дни». Но едва ли какие-нибудь торговые дела задержали его там, видимо, он собирал сведения и обдумывал, какой дорогой пробраться ему на Русь. А подумать было о чем.

Внутреннее положение Персии в семидесятых годах XV столетия совсем не располагало к путешествию по ней.

Во времена Тимура выдвинулся один из вождей туркмен Кара-Койюнулу — Мирза Джеханшах, про-

званный «черной пиявкой». Тимур за дикую храбрость и преданность почтил «черную пиявку» своей дружбой, и Мирза Джеханшах сделался вождем могучего туркменского объединения племен «черных баранов». Правил он с 1436 по 1467 год. В его владения входили Азербайджан и Армения, а затем западный Иран.

В середине XV века во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу («белобаранных») стоял Узун-Хасан (1453—1478). Он владел верхней Месопотамией, завоевал Армению и Курдистан. В 1467 году Узун-Хасан объявил войну Мирзе Джеханшаху. Узун-Хасан в ряде битв разгромил Мирзу Джеханшаха, убил его и присоединил к своим владениям южный Азербайджан и другие земли Кара-Койюнлу.

Вслед за этим он начал войну против одного из правнуков Тимура, Абу-Саида. В кровопролитной битве Абу-Саид был взят в плен и, по версии, которую излагает Никитин, отравлен. Фактически он был выдан своему сопернику Мухаммеду Ядигеру, который казнил Абу-Саида в 1469 году.

Узун-Хасан был выдающимся человеком своего времени. Дипломатом при нем состояла его мать Сарайхатун, женщина, пользовавшаяся большим авторитетом в азиатских странах. Узун-Хасан был женат на дочери трапезундского императора Калоианна — Катерине, прозванной Деспина-хатун. Узун-Хасан заключил союз с Венецией и стремился войти в союзные отношения с рядом европейских государств.

Узун-Хасан вел кочевой образ жизни, и его «орда» не имела постоянного местопребывания.

Обо всех этих переворотах и войнах Никитин слышал еще в Индии.

«Везде булгак стал,— пишет он,— князей везде выбили, Мирзу Джеханшаха убил Узуосанбек, а Солтамусайтя [султана Абу-Саида] окормили [отравили], а Узуасанбек на Ширызи [Шираз] сел и земля ся не обренила [не успокоилась], а Едигерь Махмет, а тот к нему не едет, блюдется; инога пути нет никуды».

Все это было, как мы видели, верно. Но когда Никитин приехал в Персию, там назревали новые, более серьезные столкновения.

Мухаммед II (1451—1481), из династии Османа, завладев Константинополем, присоединил к своим владениям Сербию, Албанию, Афины, Морею, Трапезунд, Караман и Крым.

После этого завоевания Мухаммеда II границы царства Узун-Хасана, успевшего к этому времени завладеть большею частью Персии и Армении, и правителей Османской империи стали соприкасаться.

К весне 1472 года, то есть к моменту прибытия Никитина в Персию, дипломатическая война перешла в настоящую войну.

Высадившись в Ормузе, Никитин пошел вначале по знакомой дороге. Он, видимо, спешит и подвигается довольно быстро, останавливаясь в городах только на несколько дней. Пробыв в Ларе, большом торговом городе, только три дня, Никитин через двенадцать дней был уже в Ширазе.

Шираз — главный город южноиранской области Фарс. К западу от Шираза находилась поразительной красоты долина Шааб-Бавван, покрытая плодовыми садами, занимавшими в то время двадцать километров. Район этих необыкновенных садов описывался как одно из чудес мира. Помимо торгового центра Шираз являлся местом средоточия культуры. В Ширазе жили и погребены великие поэты Саади (1184—1291) и Хафиз (умер около 1389 г.). Об этом замечательном городе Никитин пишет коротко: «...а в Ширазе был 7 дней» — и ничего не говорит о том, что там видел и узнал. Значит, уж очень спешил он на родину.

Почти нигде не останавливаясь, Никитин направился через Йезд, Исфахан в Кашан. Отсюда он двинулся не по знакомой ему дороге в Барферуш, где пять лет назад он высадился, переплыв Каспийское море, а через Кум, Султанийэ в Тавриз и сразу пошел в стан, или, как пишет Никитин, в «орду» Узун-Хасана.

К этому времени война между Мухаммедом II и

Узун-Хасаном уже началась. Войска Узун-Хасана вторглись в Караманию, взяли Сивас, разгромили и сожгли Тохат, взяли Амасию и, грабя окрестные земли, двигались все дальше и дальше на запад. Мухаммед II, осаждавший тогда Скутари, услышав о поражении своих войск, пришел в ярость. Он немедленно снял осаду и приказал всем своим войскам переправляться через Босфор и идти на Узун-Хасана.

Вот каково было положение летом 1472 года, когда Никитин пришел в стан Узун-Хасана. Подтверждая летописные сведения, Никитин как очевидец пишет, что Узун-Хасан «на Турьскаго [султана] послал рати своей 40 тысяч, ины Севаст [Сивас] взяли, а Тохан [Токат] взяли да пожьгли, Амасию взяли и много пограбили сел, да пошли на Караман воюючи». Кстати, это столкновение, так удачно начавшееся, окончилось для Узун-Хасана печально. Мухаммед II, переправив войска через Босфор, с громадной армией направился в Малую Азию. Решительное сражение произошло в следующем 1473 году при Терджане на берегах Евфрата. Вначале счастье благоприятствовало Узун-Хасану: туркмены заманили притворным бегством отряд румелийского наместника Мурад-паши и весь истребили. Сражение главных сил тоже долго было безрезультатным, но когда Мухаммед II ввел в дело семьдесят тысяч янычар с двадцатью мало еще известными тогда пушками, туркмены дрогнули и побежали. Но Мухаммед II не вошел за своим врагом в Персию: это ему казалось слишком рискованным делом. Узун-Хасан тоже больше не начинал войны, несмотря на то что в конце 1474 года специальный посол Венеции Контарини пытался уговорить его на новую борьбу с турками.

Около Тавриза Контарини встретился с московским послан к Узун-Хасану, Марко Руффо. Зачем был послан Марко Руффо в Персию, мы, к сожалению, не знаем. По предположению Карамзина, Иван III искал дружбы персидского завоевателя, для того чтобы угрожать этим союзом хану Большой Орды — Ахмату.

Владея южными берегами Каспийского моря, Узун-Хасан соседствовал с улусами Ахмата и был известен как человек, страстно ненавидящий монголов. Вернее всего, что московский посол был направлен к персидскому завоевателю для упорядочения торговли.

Как бы то ни было, посольство, видимо, увенчалось успехом, так как Узун-Хасан в свою очередь снарядил посла к Ивану III. Оба посла, московский и персидский, отправились вместе. Контарини, услышав о падении Кафы, попал в затруднительное положение, не зная, каким путем пробраться на родину. Выручил его Марко Руффо, предложивший ехать вместе с ним. Венецианец с радостью согласился.

Из стана Узун-Хасана двинулись сначала на Тбилиси, потом через богатую шелком Шемаху. В Дербенте наняли судно до Астрахани. Добрались туда с большими трудностями, чуть не погибнув от бури, затем почему-то не поплыли Волгой, а с большой опаской и предосторожностями пошли донскими, воронежскими степями и наконец в сентябре 1476 года прибыли благополучно в Москву.

Афанасию Никитину не повезло: задержавшись на полтора-два года в Индии, он смог бы присоединиться к этому посольству и благополучно добраться до родины. Сейчас, прожив десять дней в «орде» Узун-Хасана, он с отчаянием пишет: «Ано пути нету некуды».

Впрочем, Никитин мог бы отправиться тем же путем, каким через два года после него пошли русский и венецианский послы от Узун-Хасана. Этот путь напрашивался сам собой. Тавризм, Армения, Ширванское ханство, Каспийское море, Волга и родная Тверь. Этот путь был еще удобен тем, что в то время Армения была под властью Узун-Хасана, а Ширванское ханство находилось в феодальной от него зависимости. Одно только можно предположить: по-видимому, Никитин боялся не этой части пути, а страшился Астрахани. Видно, даже пять лет скитаний не изгладили из памяти Никитина страшной августовской ночи 1466 го-

да, когда часть его спутников погибла во время нападения, а он сам был ограблен.

Мог Никитин выбрать еще один путь — это путь Контарини к Узун-Хасану. Посол Венецианской республики добрался до Кафы в Крыму, оттуда, наняв корабль, переправился на Черноморское побережье, а затем Грузией проехал в Персию. Но почему-то и этот сравнительно спокойный путь не прельстил Никитина, и он, оставив стан Узун-Хасана, в сентябре 1472 года направился к Черному морю в Трапезунд.

Трапезунд был центром Трапезундской империи, население которой состояло из православных греков, лазов и грузин. Император Давид (1458—1461), окруженный турками с суши и с моря, вынужден был в 1461 году сдать свою столицу Мухаммеду II.

Во время пребывания в Трапезунде Афанасия Никитина город в большей своей части был заброшен. Турки переселили две трети наиболее богатого населения в Константинополь, а молодежь отдали в рабство.

Прибыл Никитин в Трапезунд 1 октября. Встретили его там с большим недоверием, видимо, заподозрив в нем лазутчика Узун-Хасана или гонца, который везет какие-то важные, секретные письма. За ним установили наблюдение и решили обыскать его пожитки. «Хлам мой весь к себе внесли в город на гору, да обыскали все», — пишет он. Искали каких-то «грамот», то ли писем, то ли воззваний от Узун-Хасана к трапезундским жителям, только недавно подпавшим под власть турок. Конечно, никаких предосудительных «грамот» у нашего путешественника не было найдено. Но Никитина и тут преследовала неудача: не найдя у него ничего запретного, паша и жадные турецкие чиновники, осматривая имущество, «все, что мелочь добренькая, ини выграбили все».

Облегченный на «добренькую мелочь», Никитин был наконец объявлен вне подозрений. Он поспешил уговориться о переезде через Черное море, нашел корабль, заплатив золотой, и пустился в путь. Но и тут

его продолжают преследовать беды. Вышли в море, но вместо Крыма корабль погнало к Вонаде (мыс на южном берегу Черного моря), а оттуда обратно в Трапезунд. Пятнадцать дней пришлось стоять в Платане — гавани на западе от Трапезунда. Два раза пытался выйти корабль в море, и два раза ветры загоняли его в гавань, словно какой-то злой рок не пускал нашего путника домой.

Только в третий раз с большим трудом перебрались через море, но попали в «Балыкаею» (Балаклаву — порт у юго-западного берега Крыма, греческая колония). Наконец-то с радостью и даже с гордостью Афанасий Никитин мог воскликнуть, что «милостию же божию преидох же три моря».

«СМОЛЕНСКА НЕ ДОШЕД УМЕР»

Никитин не остался в Балаклаве. Он неизменно стремился в Кафу (нынешнюю Феодосию). Пробираясь на корабле вдоль берега, он «придох в Кафе за 9 дни до Филипова заговейна». Кафа в то время принадлежала Генуэзской республике.

Еще во время борьбы генуэзцев с венецианцами неожиданно вклинился третий соперник — татары. В 1229 году татарами был беспощадно разграблен Судак. В 1308 году молодую Кафу разгромил и предал огню хан Тохта и жители едва успели спастись бегством на кораблях.

Этот разгром был жестоким уроком для генуэзцев, и с тех пор Кафа начинает укрепляться. В конце концов Кафа вся укрылась за могучими стенами в два метра шириной и в десять метров высотой. На всех углах стен стояли башни, всего их было двадцать шесть.

Кафа не напрасно тратилась на укрепления: скоро они оправдали себя. Когда под стенами Кафы появилось громадное войско кипчакского хана и три года тянулась осада, могучие стены спасли генуэзскую колонию, и хан был вынужден позорно отступить да еще предоставить Кафе различные льготы.

Шли в Кафу богатые караваны из далеких областей Азии, Персии, Сибири и Китая, привозившие москательные товары, шелковые ткани, пушнину, драгоценные камни и металлы. Взамен этих восточных товаров бесчисленные парусные и гребные корабли богатой Генуи везли в кафийские склады дорогое шерстяное сукно, испанский сафьян, стекло, зеркала, изящную посуду, янтарь, мечи, кинжалы, шлемы, брони и кольчуги.

В XIV и в начале XV века во всем мире славилась Кафа своим богатством, роскошью, силой и предпри-

имчивостью. И недаром гордилась своей крымской колонией Генуэзская республика, называя Кафу «владычицей великого моря», а само Черное море — «Генуэзским озером». Ибн-Батута считал Кафу портом мирового значения.

В 1453 году пала под ударом турок Византия, и было ясно, что рано или поздно генуэзская колония Крыма тоже должна сделаться турецкой добычей.

Кафа постепенно умирала, как умирает человек, у которого перерезаны жизненно важные артерии. Турецкий султан, не сумев сразу захватить генуэзские колонии, закрыл проливы, и генуэзские корабли не могли уже проникнуть в Черное море. Правда, некоторые отважные капитаны прорывались все же через пролив, но это не имело решающего значения. Не мог заменить удобной морской дороги и сухопутный путь через Литву и Венгрию.

Для Генуи было очевидно опасное положение Кафы, но истощенная войнами республика почти ничем не могла помочь своим черноморским колониям. Вскоре после захвата Мухаммедом II Византии решено было уступить колонии на Черном море в аренду могущественному генуэзскому банку св. Георгия, который своим флотом, войсками и огромным богатством затмевал даже саму республику. Эта передача не спасла Кафы, как известно, захваченной турками в 1475 году, но несколько оттянула ее гибель, продлила ее агонию.

Вот в эти последние годы жизни Кафы и был там Никитин. Он стремится в Кафу, зная почти наверняка, что встретится там с земляками.

Русские имели с Крымом самые оживленные торговые сношения с очень давних пор. Торговля с Крымом в то время была трудным делом. Приходилось пробираться Литвой, где русских купцов крепко обижали «литовские люди». «Диким полем» идти было еще страшнее. Там от татарских орд не спасали никакие великокняжеские грамоты, только меч с копьём да собственная храбрость были убедительными аргу-

ментами для степных разбойников. Торговлей с Крымом занимались поэтому наиболее предприимчивые и смелые купцы.

Несмотря на все эти препятствия, связь Московского государства с Крымом так наладилась, что в первой половине XIV века в Кафе возникает русское подворье.

Бывали и недоразумения между Москвой и Кафой, но все они кончались мирно. Одно из них случилось ко времени прибытия Никитина в Кафу. Пролиты, как мы уже говорили, были тогда заперты турками, и торговля шла сухим путем. Один из торговых караванов, направлявшихся в 1472 году из Венгрии в Кафу, был ограблен при переправе через Днепр. Возмущенные купцы Кафы подают жалобу, и кафинский суд решает, что так как русские грабители не могут быть пойманы, то надо взыскать потери и убытки с неповинных в этом русских купцов, проживавших в то время в Кафе. Все московские купцы были задержаны, посажены в тюрьму, а их имущество конфисковано. В одном только просчитались кафинские купцы: конфискованные товары москвитян были проданы, но вырученные средства не пошли на удовлетворение их претензий, а были присвоены кафинскими властями.

Иван III послал в Крым своего посла Беклемишева, наказал ему объявить кафинскому консулу и кафинцам, чтобы они немедленно возвратили отнятые у московских купцов товары на сумму две тысячи рублей и впредь бы подобными «предерзостями» не нарушали взаимной торговли.

Весь этот неприятный инцидент стал известен протекторам банка св. Георгия. Они приказали сейчас же освободить московских купцов из тюрьмы и возместить обиженным все понесенные ими потери и убытки. Раздражать и вооружать против себя царя Московии, о силе которого, конечно, генуэзцы знали, было явно невыгодно. Тем более что у Ивана III к этому времени завязываются дипломатические отношения со старинным врагом Генуи — Венецией.

Несомненно, Никитин встретился со своими земляками в Кафе. Наконец, он мог поговорить по-русски, разузнать все новости о своей родине. Нетрудно представить себе удивление русских купцов при появлении Никитина. Сурожане-купцы, торговавшие «красным товаром» — тонкими тканями, сами видывали немало, но путешествие в Индию и для них было чем-то необычайным, граничащим со сказкой. На памяти даже бывалых «гостей» таких «хожений» не было.

К сожалению, записки ничего не говорят об этой встрече. На переход «диким полем» из Кафы на Русь Никитин не решился, а отправился обычной дорогой сурожан — великим княжеством Литовским. Если московскому гостю на этом пути и учинялись всяческие препятствия, то тверичу эта дорога была безопасной и вольной. Тверь или, вернее, тверские князья частенько бывали в дружеских отношениях с Литвой.

И все-таки наш землепроходец, благополучно переплыв три моря, несколько лет скитавшийся по Индии и счастливо пробравшийся сквозь персидский «булгак», до своей родной Твери не добрался. Где-то около Смоленска, как узнал впоследствии наш летописец, отважный путешественник «не дошед умер».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Хожение» Никитина драгоценно как памятник русской литературы XV века, как памятник русской предприимчивости, инициативы и отваги.

Несомненно, что на Руси было много смелых путешественников, но наши землепроходцы почти не писали о своих странствованиях. Разве мало интересно мог бы рассказать о своем путешествии в Шемаху Василий Папин, тем более что Никитин почти ничего не сказал о Ширванском царстве? Немало могли сообщить и другие современники Афанасия Никитина: Марко Руффо, приехавший к Узун-Хасану через Закавказье, Армению, иранский Азербайджан, страшные тогда придонские степи; Беклемишев, несколько раз ездивший в Крым; знаменитый дьяк Ивана III Федор Курицын, ездивший в Венгрию; Толбузин — посол к венецианскому дожу.

О многих путешествиях, об интереснейших открытиях известно лишь по сухим правительственным отчетам да из воеводских «отписок».

Тверской купец Афанасий Никитин поехал за три моря, конечно, прежде всего по своим торговым делам. Но эта главная задача не помешала ему интересоваться такими сторонами жизни старой Индии, которые не имели прямого отношения к торговле.

До появления путевых записей Никитина на Руси, да и в Европе того времени, представления об Индии были самые фантастические. Неведомые животные, необычайные люди, невероятная природа рисовались тем, кто знакомился с Индией по «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова или по «Сказанию об Индейском царстве».

Тверской купец, практичный и деловой человек, сумел трезво взглянуть на Индию. В этом ему много помогли сами местные жители.

Никитин сумел завоевать у местных жителей доверие, и они были с ним достаточно откровенны. Пытливый ум и наблюдательность помогли Никитину увидеть многое из того, что ускользало от путешественников, смотревших на местных жителей свысока. И действительно, в «Написании» Афанасия Никитина находится немало драгоценных фактов, важных для понимания индийской жизни, фактов, которые упущены его современниками, побывавшими в Индии. Не нужно забывать, что если многое теперь из них общеизвестно, то в XV веке это были первые записки очевидца, того, кто «походи своими ногами», о стране, почти неведомой тогдашнему европейскому миру.

По красоте изложения записки Никитина порой уступают литературным памятникам XV—XVI веков. Но не следует при этом забывать, что они представляют собой только наспех сделанный черновик. Свои наблюдения он заносил в тетрадь во время пути, а обработать их не успел. Особенностью стиля записей Никитина является обилие персидских, арабских и тюркских слов и выражений. Судя по этой смеси различных языков, можно предположить, что уже до путешествия в Индию Никитин по своим торговым делам встречался с купцами из стран Востока. Известно, например, что тюркский жаргон в XIII—XV веках служил разговорным языком в татарских городах Поволжья.

«Написание» Никитина отличается глубиной и наблюдательностью. Никитин не увлекается экзотикой и очень редко вносит в свои записи сомнительные по достоверности рассказы, услышанные от местных жителей.

Записки наблюдательного путешественника-иностраница дают важные материалы для познания истории всякой страны. О прошлом Индии писали ученые, например Фериштэ. Записки Никитина в ряде случаев вносят важные добавления в их работы.

Скажем, тот же Фериштэ, индо-персидский историк XVI века, в своей «Истории Индийских мусульман»

ничего не пишет о малоудачной войне Бахманидов против Виджаянагара, он говорит только о взятии Бельгаума (Бельгаона). Возможно, что через полтора-ста лет, когда Фериштэ писал свою историю, не сохранилось уже об этом сведений. Но как бы то ни было, Никитин оказался единственным человеком, сообщившим нам об этом походе бахманидского султана. В справедливости рассказов Никитина, изобилующих массой подробностей, которые трудно выдумать, едва ли можно сомневаться.

Таким образом, Никитин запечатлел один из интереснейших моментов в истории Бахманидского царства.

Знаменитый историк Н. М. Карамзин, который первый обнаружил глубоко поразившие его записки Никитина, писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... Оно [путешествие] доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей [французские путешественники XVII века], менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых, что индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже путешествовал по берегу Малабара...» *

«Венецианец ди-Конти (1444), тверич Никитин (1472) и синесец [португалец] де-Гама (1499) — вот от кого остались важнейшие записки об отдаленных странах Южной Азии XV в., освещаемые одне другими,— писал академик Срезневский в пятидесятых годах прошлого столетия,— наблюдения двух первых гораздо ценнее по обилию и содержанию,— и Никитин в этом отношении должен быть поставлен выше ди-Конти: с этим, надеюсь, согласится всякий, кто примет

* Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, гл. VII, 1842, стр. 226—228.

на себя труд познакомиться с его Хожением и сравнить его с записками ди-Конти, вникая в смысл сказаний того и другого» *.

Записки Никитина чрезвычайно интересовали наших предков; это видно хотя бы из того, что летописец нашел нужным включить их в состав своей летописи наряду с другими важными историческими фактами.

Для нас, стремящихся как можно глубже познать прошлое нашей Родины, Афанасий Никитин дорог как пламенный патриот и один из замечательных русских путешественников.

На берегу Волги, откуда начал свое историческое путешествие Афанасий Никитин, воздвигнут памятник этому замечательному русскому человеку.

В наши дни, когда все более и более крепнут экономические и культурные связи между народами Индии и Советского Союза, записки Никитина о его «хождении за три моря» свидетельствуют о глубине истоков этой великой дружбы.

* И. И. Срезневский. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Ученые записки второго отделения АН, т. II, вып. 2. СПб., 1856, стр. 225—307.

Виташевская М. Н.

В 54 Странствия Афанасия Никитина.
М., «Мысль», 1972.

118 с. с ил. и карт. (Замечательные географы
и путешественники.)

Пятьсот лет назад завершилось одно из самых замечательных путешествий прошлого. В 1466 г. тверской купец Афанасий Никитин отправился торговать в заморские страны. Он спустился вниз по Волге, а затем по Каспию, пересек Иран, морем добрался до Индии. Почти три года скитался А. Никитин по Индостану и в 1472 г. вернулся на родину. Странствие это получило всемирную известность благодаря «Хожению за три моря» — дневнику, оставленному отважным путешественником.

Книга М. Н. Виташевской — это рассказ об Афанасии Никитине и его путешествии. Книга иллюстрирована цветными наклейками, выполненными палехскими художниками.

2-8-1

11-БЗ-65-71

91 (09)

М.Н.Виташевская

СТРАНСТВИЯ

Афанасия Никитина

Редактор	С. Н. Кумкес
Редактор карты	Ю. В. Зотов
Младший редактор	З. В. Кирьянова
Оформление художника	А. Б. Боброва
Художественный редактор	В. И. Харламов
Технический редактор	О. А. Барабанова
Корректоры	Д. И. Гуляк, З. Н. Смирнова

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Сдано в набор 7 октября
1971 г. Подписано в пе-
чать 4 февраля 1972 г.
Формат 75×90¹/₃₂. Бумага
мелов. Усл. печатных
листов 4,69.
Учетно-издательских
листов 5,17. Тираж
40 000 экз. А 04512.
Цена 62 коп.
Заказ № 2439.

Ордена Трудового
Красного Знамени
Первая Образцовая
типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров
СССР. Москва М-54,
Валовая, 28.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

